

Здравствуйте, а Коля выйдет?

Сергей
Горбунов

Роман о приключениях
и любви в эпоху
больших перемен

Сергей Горбунов

Здравствуйте, а Коля выйдет?
Роман о приключениях и любви
в эпоху больших перемен

«ИД Комсомольская правда»

2023

УДК 82-312.6
ББК 84стд1-442.3

Горбунов С.

Здравствуйте, а Коля выйдет? Роман о приключениях и любви в эпоху больших перемен / С. Горбунов — «ИД Комсомольская правда», 2023

ISBN 978-5-4470-0664-8

«Здравствуйте! А Коля выйдет?» – автобиографичный роман о том, как не просто взрослеть, особенно в 90-е. Узнаваемые исторические события, атмосфера советского и российского детства – автору, популярному блогеру Сергею Горбунову, удалось написать увлекательную историю о том, что добро всегда побеждает зло. Главный герой, Коля, оказавшись невольным свидетелем кражи, не побоялся вмешаться. И на своем примере убедился, как важно быть верным слову и друзьям. Книга будет интересна всем, кто хоть раз жалел (или гордился), что живет на стыке эпох. В книге вас ждут приключения и романтика, погоня и раскрытие преступления.

УДК 82-312.6
ББК 84стд1-442.3

ISBN 978-5-4470-0664-8

© Горбунов С., 2023
© ИД Комсомольская правда, 2023

Содержание

Предисловие	6
Дворовые девчонки	9
Бабка	20
Новый дом	28
Тряха	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Горбунов
Здравствуйте, а Коля выйдет?
Роман о приключениях и любви
в эпоху больших перемен

© Горбунов С., текст, 2023

© Горбунова М., иллюстрации, 2023

© Оформление обложки, АО «Издательский дом «Комсомольская правда», 2023

Предисловие

Утром я просыпаюсь и еду на работу.

Сегодня получилось сделать это до того, как моя большая многодетная семья займет санузлы, начнет таскать брюки и юбки из гардеробной. До звона кастрюль и езды фарфоровых кружек по столешнице на кухне. Я проснулся до лая соседского лабрадора и до того, как сам сосед-газелист повернул ключ зажигания и укатил на свой молокозавод.

Нечасто случаются такие ранние подъемы, ведь ложиться приходится глубоко за полночь, и нет, я нетружусь на сложном производстве, я не машинист поезда, не оператор погрузчика, меня никто не держит посменно за токарным станком на заводе.

Просто поздно ложусь. Вечер складывается из «заварить очередную кружку чая» и «скроллинга» ленты новостей в соцсетях. Как будто я чего-то жду. Иногда читаю. Очень редко. Почти перестал. И почему меня так много заставляли читать в юношестве? Чему меня научили книги?

Откровенно говоря, мне всегда, с раннего детства, казалось, будто учителя, бабушки, родители, соседи дружно готовят меня к тому, что вот-вот случится большая жизнь с приключениями, гигантским путешествием, сложным моральным выбором. Ведь человек, который столько читает о добре и зле, дружбе и любви, просто обязан в какой-то момент применить эти знания.

Произошла странная штука – воспитание, взросление и становление мое и моих сверстников шло по старым советским канонам, по школьной программе родом из семидесятых. В секциях мы выпиливали лобзиками и рисовали медведей на фанере выжигателем «Узор-1», а в киосках уже стали продаваться сигареты с фильтром поштучно и жевательные резинки с обнаженными женщинами на вкладышах. Полки домашних этажерок и антресолей ломились от книг о военных подвигах, у каждого второго было собрание сочинений Льва Толстого. В школе нас заставляли учить отрывки из горьковского «Детства», а по телевизору Жан-Клод Ван Дамм выбивал дурь из желтолицых жителей Сеула.

Мой одноклассник Олег Карпов, рослый, самый крепкий парень в параллели, взял в библиотеке книгу Бориса Полевого, ту самую, где летчик отморозил обе ноги, но долг перед Родиной выполнил. Зачитал ее до дыр и всем рассказывал о военной отваге, о «настоящем человеке». А шесть лет спустя Олег взял молоток у отца, в ящике с инструментами[^] ограбил магазин ювелирных изделий «Аист» прямо посреди дня.

Иногда кажется, что книги нас обманули. Ну, те книги, которые настоящие, некоммерческие, из школьной программы. И меня, и Олега. И девчонок наших, большинство из которых в разводе с двумя детьми, но все же ждали чистой любви и бескровных дуэлей во славу дам. Ребят из двора, которые карьере предпочли крепкий и дешевый алкоголь как символ свободы и вечного пиратского праздника. Не бывает ведь так, что ждешь всю жизнь честной игры по понятным правилам, к которой тебя готовили, а случился «договорняк».

А если и не обманули, может быть, мы просто не в свое время тут родились?

Я поздно ложусь спать в надежде на стук в дверь.

Надеюсь, что продрогший и уставший путник все-таки донесет карту, а судьба назовет мое имя.

Поздно ложусь, потому что сова из волшебного замка обязательно заметит свет в окне многоквартирного дома и кубарем, раскидывая перья, ввалится в форточку.

Зазвонит последний оставшийся в городе телефон-автомат через дорогу, и голос сообщит координаты терпящего бедствие паром.

Друг найдет старое письмо прадеда и решит безотлагательно отправиться к тайне. Конечно, со мной. Разумеется, со мной.

С Олегом, с Егором, который стал охранником в «Пятерочке», с Ленкой, которая устроилась на ГРЭС сразу после школы.

Не может ведь так быть, что сотни ребят, рожденных в конце восьмидесятых – начале девяностых, оказались просто оставлены своими совами и книгами.

Мы всех спасем. А утром я проснусь и поеду на работу.

* * *

Эта история задумывалась как повествование для подрастающих ребят, приключенческий роман, прежде всего для детей. Но случилось иначе. В процессе работы я видел глаза целого поколения сверстников, ребят из девяностых. Нет-нет, не тех, которые в малиновых пиджаках. Глаза тех, кто делал первые шаги в этом мире, с надеждой влюблялся в него и друг в друга. Поколение ребят, которых привыкли не замечать – сначала родители в погоне за талонами и дефицитной колбасой, потом Родина, увязшая на Кавказе и в ваучерах.

На моем родном Урале, пока оголодавшие отцы-шахтеры стучали касками о рельсы в надежде принести домой хотя бы рубль, пацаны сбивались в стайки и лупили палками крапиву, делали поджиги¹ и играли в «ножички».

Это история о поколении, которое позабыли меж страниц учебника истории, о тех детях, которые – не вру – и сейчас еще дети. Роман о ребенке, которого закрыли в комнате, наказав за съеденные конфеты, и благополучно там оставили на долгие годы. История о моем поколении, поколении детей девяностых. И единственный человек, способный выпустить этого ребенка из комнаты, держит сейчас в руках эту книгу.

¹ Поджига – простейшее самодельное огнестрельное оружие. – *Здесь и далее прим. авт.*

Это отчасти автобиографический роман. Иллюстрации нарисованы моей замечательной женой, и поскольку мы с ней принадлежим к одному поколению, то очень чутко чувствуем друг друга и дух того времени, связавшего вместе целый пласт ныне живущих.

Здесь пойдет речь о приключениях и любви в эпоху больших перемен. О том, как один век сменял другой и новая молодая страна уже подняла свой флаг над Кремлем, а старая еще его не покинула. О мальчике по имени Коля, который об этом ничего еще не знал. О добре и зле, которые неизменно следуют друг за другом, о любви, которая находит себе дорогу даже в самые темные времена. О дружбе – ведь даже тогда, когда все отвернулись, хотя бы один человек обязательно протянет руку отчаявшемуся.

Эта история посвящается всем тем, кому по неизвестным причинам так и не доставили волшебное письмо из Хогвартса. Но, вопреки этому, сумевшим сохранить волшебство и огонь в сердце, несмотря на необходимость каждый вечер поздно ложиться, а утром вставать на работу.

Дворовые девяностые

Думал ли ты, смуглый почти одиннадцатилетка, задувая свечи на праздничном торте, о том месте, где оказался сегодня, долгое время спустя? Загадывал ли ипотеку, пластмассовые бургеры из McDonald's и головную боль в виде смены резины на не очень-то любимой машине в межсезонье?

Где те пацаны, с растрепанными волосами, из соседних подъездов, которые собирались с тобой за лакированным столом-книжкой в ожидании компота и своего заветного куска торта с кремом? Куда, почти внезапно, подевалась скромная Лена Терехина в красной юбке и на класс младше? Девочка, в которую были влюблены все мальчики и которая подарила тебе книгу «Дети капитана Гранта». Лена, которая вывела ровным почерком: «На долгую память, счастья, здоровья, с днем рождения! 5.09.1994» – в углу переплета.

Я не знаю, где ты, Ленка, не знаю, куда подевался Довгань. Понятия не имею, как дела у дяди Скруджа и других уток.

НИКОМУ НЕ ИЗВЕСТНО, НАД ЧЕМ СЕГОДНЯ РАБОТАЕТ КРУТОЙ УОКЕР И НА КАКОЙ АНТРЕСОЛИ ЛЕЖАТ ПОСТЕРЫ ИЗ ЖУРНАЛА COOL И МАЙКИ С ДИ КАПРИО.

Выцветший корешок «Детей капитана Гранта», спрятанный на полке венгерской стенки, – маленькое, емкое напоминание о всех нас, – по-прежнему вполне себе материален в квартире родителей, а стол-книжка редко, но продолжает расправлять шумные, опасные крылья в центре зала.

Как так вышло, что торт и курица с пюре случились вчера, но мне почему-то уже тридцатник, картридж бритвенного станка просится под замену, а ремень выторговывает очередное отверстие. И никто, черт возьми, никто под балконом не просит скинуть попить. Домой нельзя, а то загонят. Господи, как же хочется, чтобы хоть кто-то все-таки загнал, твердым голосом и под угрозой сурового наказания. Чтобы Милли-Орейро снова молодая убежала от Иво-Араны, а Супонев, попивая Yurі, звал писать письмо на Академика Королева, 12.

НА ДИВАНЕ ПРЫГАТЬ НЕЛЬЗЯ, А ТО ПРОДАВИШЬ; КИНЕСКОП ПОСАДИТЬ МОЖНО, НО НЕЛЬЗЯ; А КОМПЬЮТЕР – ПРИЗНАК КРАЙНЕ СОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, ВОТ БЫ С ТАКИМ ЗАВЕСТИ ДРУЖБУ И ИГРАТЬ ЧАСЫ НАПРОЛЕТ, ВМЕСТО «ДОМАШКИ».

Если говорить о материальном достатке, мое детство пришлось на времена крайне неблагополучные. Забытые, покинутые девяностые – совсем не «святые» и не «коровые». Мои девяностые – это дворовые одиннадцатилетние пацаны, в спортивных штанах и синтетических толстовках с Микки Маусом, бьют палкой крапиву и покупают первые сигареты поштучно. Обмениваются фишками, обсуждают боевики.

НО НЕ НАДО С ЖАЛОСТЬЮ ПОКАЧИВАТЬ ГОЛОВОЙ. КАКИМ БЫ НИ БЫЛО ЭТО ДЕТСТВО – ОНО МОЕ; ВОЗВРАЩАЯСЬ ТУДА, Я СТАНОВЛЮСЬ СЧАСТЛИВЕЕ, ПРИДУРКОВАТАЯ УЛЫБКА ВЫПОЛЗАЕТ НА ЛИЦО.

Сравнения с днем сегодняшним тут неуместны, как невозможно сравнить Джеки Чана и Арнольда Шварценеггера, хотя весь двор этой «невозможностью» пренебрегал. Там, в этих дворах, случилась целая, сегодня подзабытая, жизнь; ее рано оценивать, но ответы на сотни взрослых вопросов всегда можно найти в детстве. Девяностые – детство моего поколения, моей

любимой супруги, моих коллег и друзей, детство тех людей, которые сегодня вступают в зрелость и сами начинают выстраивать детство для своих детей.

Если меня спросят, где я хотел бы провести детство и хотел ли поменять что-то в прошлом, размышлять перед ответом долго не стану. Да, это не хлебосольное советское время, где вожатые «Артека» откармливают киевскими котлетами, а родители румяные и уверенные в том, что будет завтра. Это и не та спокойная заводь нефтяного государственного капитализма, которая стала лейтмотивом десятых – двадцатых годов нового века. Умные мужчины и женщины долго будут вспоминать это время как причину демографической ямы, с сумасшедшей наркоманией, начинавшей поднимать голову эпидемией СПИДа и молодыми институтами хромого, многострадального общества.

СТАРИКИ У ПОДЪЕЗДОВ ПРОРОЧИЛИ НАМ СУДЬБУ ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ И РАСПЕКАЛИ ПО ПОВОДУ И БЕЗ, А МЫ ВЕРИЛИ, ВЕДЬ СТАРИКАМ ПРИНЯТО ВЕРИТЬ. НИКТО НЕ ГОВОРИЛ, ЧТО И ОНИ СЕГОДНЯ НЕСИЛЬНО ПОНИМАЮТ ПРО ЗАВТРА.

Как бы громко, задорно ни орал на записи только что почивший Цой о переменах, те наступали очень болезненно и вовсе не так, как ожидалось. Родители, с их классическим инженерным высшим образованием, с пятерками за историю КПСС в зачетках, тихо сходили с ума от осознания, что на пару талонов и продовольственные квитки из заводской столовой семье придется жить очередной месяц.

В НОЯБРЕ ЗАВОДСКАЯ БУХГАЛТЕР ВЫДАЛА МАМЕ ЗАРПЛАТУ ЖИВЫМИ ГУСЯМИ. МЫ ПОСАДИЛИ ИХ ПЛАВАТЬ В МАЛЕНЬКОЙ ЧУГУННОЙ ВАННЕ. А ОНИ ГАДИЛИ И НЕ ПОНИМАЛИ, ОТЧЕГО В ГЛАЗАХ ГЛЯДЯЩЕГО НА НИХ ОТЦА СТОЛЬКО ТОСКИ.

Летом отключали воду, и папа, уставший после смены в коксовом цеху, целый час сидел у тастика с кипятильником, чтобы влезть туда голышом и, намывивая мочалку, смотреть на серый кафель на стенах и змеевик с присохшими носками. Это даже роднило его с гусями, с той лишь разницей, что ему приходилось оплачивать «коммуналку», а в шесть утра проклятое Радио России начинало гимном молодой страны будить на работу, впрягая в длинную тугую ляжку бурлака.

СПАСИБО ВАМ, ПАПЫ И МАМЫ. ОДНОМУ БОГУ ИЗВЕСТНО, ГДЕ ВЫ БРАЛИ СИЛЫ СТРОИТЬ НАШЕ ДЕТСТВО.

Дураки скажут, что поколение девяностых – потерянное. Нет, мы не потерянное поколение. Мы поколение, которое взрастили наши родители, обесценив и потеряв свою молодость.

* * *

Чаще всего в воспоминаниях я возвращаюсь в не очень-то жаркое лето 1997 года. Семья наша переезжала. Копеек с завода, на котором работал еще дед, нам больше не хватало, и отец добился перевода на моторный завод в другом регионе. Он собрал по окрестным магазинам картонные коробки, и, упаковав книги и посуду, мы продали квартиру. Затем и мою любимую дачу, с грядками клубники и кустами крыжовника. Мама плакала. Она говорила, что годами удобряла там землю и белила деревья. Но я думаю, она плакала потому, что там совсем несмышленими ляльками загорали мы с братом, а она, молодая и счастливая, встречала свою новую семейную жизнь.

Родители уехали раньше обустроить новое место, встречать вещи. Папу уже ждали в отделе кадров. Мне же в ателье «Улыбка» заказали новые брюки, деньги заплатили, а еще предстояло забрать папку с чеками из БТИ² и затем, под надзором проводника, на верхней плацкартной полке в одиночестве провести сутки.

Сейчас я думаю, что вряд ли усадил бы своего ребенка ехать одного в поезде, тогда же выбора особого не было, да и дискуссий на эту тему никто разводить не стал.

Мы много ездили на поездах – вся страна много ездила на поездах. В семье не было автомобиля. Владельцев автомобилей в ясный день можно было без проблем перечесать по пальцам, на дорогах не случалось толкотни, а крутость и дороговизна машины оценивались исключительно верхней границей циферблата спидометра. Машина, даже не дорогая, являлась статусом, признаком хорошего заработка.

– Если у человека есть иномарка, он, скорее всего, бандит! – говорил Саня Проснев, мой друг из второго подъезда.

Словом, ездили мы всей семьей на поездах. Старый добрый плацкартный вагон, где титан с кипятком у входа и попутчики, совершенно случайно подобранные. Удивительная штука: как бы судьба ни распределяла людей по вагону, никогда не доставались мне плохие соседи. Так случилось и в этот раз.

Бабушка, всучив рюкзак и пакет, передала меня проводнику и, поцеловав в лоб, ушла с перрона.

– Здорово, боец! С тобой, выходит, поедем? – В купе сидели трое парней в камуфляже. Не просто военные – десантники. – Проходи, пацан, мы не обидим.

Я засунул руки в карманы и робко прижал зад к сиденью. Страшно было ехать одному. А вдруг проспишь, и высадят тебя на полустанке в лесу. Могут еще цыгане пристать, думал я, денег у меня, конечно, немного, но ведь они в рабство заберут, будешь на вокзале Буланову петь, а мелочь им отдавать, так Саня говорил.

Теперь вот еще военные. Интересно, у них есть оружие?

Поезд, собравшись с мыслями, толкнулся, и серый осенний вокзал, тетушки-торговки и электронный циферблат потянулись вправо.

– Ну чё, теперь можно? Медведь, дай-ка там.

Самый рослый, со шрамом под глазом, Диман, потянулся за спортивной сумкой. Медведь, его лучший друг, потрянул ногой, и незашнурованный ботинок улетел под стол. Он наступил на рундук³, ловко привстал и дернул с третьей полки сумку.

– Мадам, нам чайку, если можно! – крикнул в коридор Медведь, присаживаясь обратно.

– Тронуться не успели, чайку ему! Дай хоть билеты проверю, мне до чайка еще полчаса! – отозвалась с головы вагона проводница.

– Ну, минут двадцать у нас точно есть!

Медведь потянул молнию на сумке, и откидной стол начал преобразовываться. На него упали: ароматный сверток фольги, пакетик с яйцами, полбуханки хлеба, желтый кругляш из яйца «Киндер-сюрприз», наполненный солью. И одноразовые пластиковые стаканчики.

– Давай-ка, малой, как тебя, кстати, зовут? Разворачивай курицу, а мы серьезными вещами займемся. – И Диман выудил из-под стола прозрачную пластиковую бутылку из-под лимонада, но без этикеток.

– Меня зовут Коля. – Я с опаской посмотрел в эти прокопченные кострами загорелые лица. – Бабушка тут тоже положила картошку и пирог.

Десантники меня как будто уже и не слушали. Медведь, Диман и третий парень распределяли жидкость.

² БТИ – бюро технической экспертизы. Учреждение, осуществляющее технический надзор за недвижимостью.

³ Рундук – большой ларь с поднимающейся крышкой; пространство для перевозки чемоданов в поезде.

– Ты лимонад будешь? Давай налетай.
Так началась моя дорога.

* * *

Эти трое, огромные как глыбы, в затертых штанах цвета хаки, достались мне неожиданно – и так же неожиданно ураганом пронеслась вся поездка. Они рассказывали байки, громко смеялись и выходили покурить в тамбур. Почему у них такие клички, думал я. («Не клички, малой, а погоняла! Клички у собак!») Я не знаю; не уверен, что они и сами помнили, отчего так называли друг друга.

Но поезд отстукивал часы, а мы вчетвером покачивались в такт этому стуку. За окном стал моросить дождь, и струйки потекли по стеклу квадратного окна параллельно земле и проводам. Уже не снег – и то хорошо. Поезд проходил брошенные деревни, серые, с черными домами, с выпавшими ставнями и стальными антеннами на длинных жердях. Пролетали перроны с торговцами, развалы жирных шпал и железнодорожники в оранжевых жилетах с масляными пятнами.

Сiju и жую, размышлял я, а время несет меня от моего любимого двора, где Саня Проснев сейчас, наверное, пинает мяч в стену. Я уезжаю от любимой дачи, где клубника в этом году созреет без меня и некому будет мастерить чучело от ворон. Новые хозяева ведь не знают, какие они у нас наглые. Сосед-пенсионер дядя Аркадий теперь один сидит на крыльце своей одноэтажной избушки, потягивая иван-чай, а старый седой Кубик храпит у ног.

**КАК СТРАШНО ПОДНИМАТЬСЯ В ВАГОН БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ,
ДУМАЛ Я; НАВЕРНОЕ, БАБУШКА ПЛАКАЛА, ПОЭТОМУ И УШЛА
ТАК СКОРО С ПЕРРОНА, ПОЭТОМУ И ДОЖДЬ ИДЕТ – ДОМА
ВЕДЬ НЕТ БОЛЬШЕ МЕНЯ И МОЕГО МЛАДШЕГО БРАТА, К ЧЕМУ
ТАМ ХОРОШАЯ ПОГОДА.**

А эти три коротко стриженных, словно вырубленных из куска горной породы парня похлопывали меня по плечу огромными ручищами и пододвигали курицу и лимонад. В какой-то момент, чтобы слезы не покатались по лицу, я попытался считать ржавые товарные вагоны и цистерны встречных поездов, но скоро голова закружилась, и счет потерялся.

– Бабка, а как ты на стрельбах уснул? Ну?

Бабка, третий десантник, долго смеялся.

С боковушки к нам подсел дед, у него оказались карты. В дурака я уже умел играть, и довольно неплохо. Чего тут не уметь – король бьет валета, валет сильнее десятки. Если козырь был крести, моя бабушка говорила: «Дураки на месте» – и смеялась, глядя на меня. Самое крутое – это две шестерки в конце оставить и в свой ход их открыть, оставить сопернику «на погоны».

Мы стали играть. Диман и Медведь разделись до тельняшек. Вагон наполнился теплом, стал слышен гомон, который, как старый транзистор сквозь помехи, пробивает себе громкость, рассеиваясь по разным частям пространства. Кто-то перелистывал кроссворды, поплеывая на пальцы, кто-то шаркал тапками в туалет, проводница гремела ложками.

– А ты, Колек, у нас игрок что надо, – прошамкал дед.

– У нас все во дворе играют. – Я гордо держал веер, стараясь не отворачивать рубашки.

**БАБКА НЕ ЗАБЫВАЛА НАЛИВАТЬ, И ДЕСАНТНИКИ НЕСЛИСЬ
В УВОЛЬНЕНИЕ С ТОЙ ЖЕ СКОРОСТЬЮ, С КОТОРОЙ Я НЕССЯ
В НОВУЮ ЖИЗНЬ.**

Позже, спустя много лет, я услышал, что какими бы случайными вам ни казались люди в соседних креслах кинозала, они не случайны. Они отражение нас самих, ответ на наши чаяния, доброта, которую заслужили, раздражение, которое несем в мир. В плацкартных вагонах поездов дальнего следования это волшебство работает с утроенной силой. Много раз я проверял это правило.

Бабку из армии не дождалась возлюбленная. Молчаливый, грузный, он не ходил курить на полустанках. Мял хлебный мякиш и, уткнувшись в кулак, смотрел в окно, как будто выискивая в лицах провожающих-встречающих людей кого-то знакомого. Ближе к вечеру я залез на верхнюю полку, и в окно мы стали смотреть уже вместе. Меня завораживали мотылявшие на ветру жестяные головы фонарей и кондукторы с флажками на переездах. Зачем они держат эти флажки, думал я, если машинист уже далеко впереди и не видит?

На всех вокзалах как будто работает один диктор; после короткой мелодии булькающим голосом объявляет отправление, и люди разных возрастов вдруг бегут обниматься и затапывать окурки. Бабка поднимал мне наверх дольки апельсинов и, забирая кожуру, скидывал ее в пакетики под столом.

– Давай спускайся, сейчас Мишаня рыбу принесет, вон они, выторговывают.

Я спрыгнул на нижнюю полку. Ароматная рыбина «вошла» в вагон под неодобрение соседей. Да и кто, признаться, любит в духоте плацкартного еще и рыбину копченую нюхать. И, наверное, нас бы выгнали с ней, но десантники ехали домой после двух лет срочной службы, и не существовало той силы, что способна была отобрать у них душистых лещей.

Даже Бабка, печаль которого нарастала по мере приближения к дому, как будто ожил. У стола вдруг стало живо, по стене поползли отсветы вокзалов, а проводница включила освещение.

– Была такая байка, нам Пахом рассказывал. – Диман наливал новый стакан. – В тренировочный полет летит взвод десантуры, ребят двадцать. И один инструктор – старичок уже, дремлет постоянно, сидит на откидушке, лапы скрестит и сопит в усы. Тут вроде скука ведь, исследуем территорию, смотрим, как машина себя ведет, иллюминаторы, техника безопасности, салаги все. Там больше местность по карте читать учимся. Но есть одно «но», на которое обращают внимание все новобранцы: парашютов ровно двадцать.

– Ну это балабольство, парашют у каждого свой! – перебил Медведь. – У меня два прыжка. – Он пальцем показал на накидной ромбик на груди, с выбитой цифрой два.

– Это не прыжки, нет. На прыжки мы укладываем, тут просто пролет, ты слушай внимательно, Мишаня, – продолжал Диман. – И вот, пацаны к инструктору, мол, товарищ старший прапорщик, а почему парашютов двадцать, когда нас, мол, с вами двадцать один человек? «А я, пацаны, старый уже, мне парашют ни к чему, только купол казенный переводить». И дальше храпеть, голову в ворот прячет.

Ну, предыдущий призыв эту присказку услышал и решил над «куском» шуткануть. Бабка, давай-ка сюда свой черпак! – Диман снова налил по пятьдесят граммов. – Полет, крыло потряхивает, прапорщик спит. А погода еще выдалась прям сказка, облако идет, что пух. Ну ребята, тихой сапой, парашюты разобрали по одному, сидят ждут. Прапор дремлет.

Самолет отлетал свои круги, зашел на посадку, семь минут рулежки, и вот машина уже в отстойник встала, прапор дремлет. Взвод спустился с парашютами через плечо за борт, остается последний серж. Хватает его за лацкан и начинает трусить что есть силы: «Товарищ прапорщик, товарищ прапорщик! Прощайте, движок отказал, падаем, ребята десантировались, я последний, вы там богу от нас весточку! Словом, пусть вам пухом! Прощайте!» Разворачивается и с парашютом бегом клюку со всех ног. Так этот сонный старый дурак знаете что сделал? Хвост бугеля⁴ ухватил и по башке сержу с размаху! Пока тот в недоумении хлопал глазами и

⁴ Бугель (жарг.) – зд.: страховочная веревка при десантировании.

макушку унять пытался, дед – рюкзак на плечи и в люк нырнул. Хорошо, пацаны внизу стояли, а то этот кретин все ребра бы себе об бетонку отщелкал.

Я засмеялся. Мне так захотелось стать десантником в этот момент, обязательно стану, решил. Смеялись и соседи с боковушки.

– И на губу потом? – Бабка закинул руки за голову.

– А я откуда знаю, почему купил, по том и продаю. Ты вот вечно пессимист, может, наоборот, командование парашюты обновило и докинуло один.

– Ну да, догнало и еще докинуло. Мне твой Пахом рассказывал, что половину парашютов на складе продали казахам, а в рюкзаки пеньку набили для объема и тряпок.

– Негативный ты, Бабка, ворчишь как... как дедка. Пойдем, Медведь, покурим.

И парни пошли в тамбур, а Бабка налил мне лимонада.

* * *

– Ты, Коля, их мат не слушай и сам не говори. Слова плохие, просто в армии иначе не получается разговаривать.

У меня мама – учитель русского языка, домой еду и думаю, как бы не выскочило что-то.

– Медведь сказал, тебя девушка не дождалась из армии?

Бабка оттолкнул блюдо с апельсинами и сдвинул брови.

– Не дождалась, да. А Миша наш – болтун. Ты если хочешь знать, я бы и сам ее бросил, – он потер лоб, – мне ненужны неопределившиеся, ветреные девчонки. Я приеду и семью заведу большую. Сейчас денег немного скоплю. У дяди парковка на сто двадцать машин – пока администратором там поработаю, место уже ждет. Найду себе красавицу, а Катя пускай и дальше на этого дебила Игоря слюни пускает.

– Игорь – это ее парень новый?

– Новый, старый. Скотина он, малой. Я ведь жениться позвал. Он знал. Там длинная история, эти пьяницы спать лягут – расскажу тебе, чтобы дров ты не наломал, когда подрастешь. Сам ведь тоже едешь душа не на месте, а?

– На месте. Я просто переезжаю, папа на новую работу устроился, мне в новую школу идти, а друзья все в старой остались.

– Дак ты, получается, все хвосты обрубил? – Бабка улыбнулся и налил мне лимонада. – Ладно, Колек, твои проблемы тоже немаленькие, но чем серьезнее человек, тем серьезнее проблему ему посылают, так что ты гордись.

– Я на поезде сам, в одиночку, впервые еду. Саня Про-снев, мой друг, мне с собой нож подарил, раскладной. Если вдруг цыгане или зэки беглые, в обиду себя не дам, так что не смотри, что я мал.

**– ДАВАЙ ДОГОВОРИМСЯ ТОГДА, – ХЛОПНУЛ ПО КОЛЕНЯМ
ДЕСАНТНИК, – ЕСЛИ У МЕНЯ ПРОБЛЕМЫ, ТЫ ПОМОГАЕШЬ, А
ЕСЛИ У ТЕБЯ – Я.**

– Вдвоем-то выжить тут проще будет!

Он подмигнул, а дед на боковушке улыбнулся и крикнул. Мы пожали друг другу руки. Ну как пожали. Моя ладошка утонула в этой жилистой загорелой ручище.

* * *

Поезд трянуло.

– Круглое Поле. Стоянка тридцать пять минут, будут перецеплять на тепловоз. Далеко не расходимся. – Проводница ухватила двумя руками за тряпичный мешок и вытянула его в тамбур.

– Ну что, прогуляемся, Колек?

И мы побрели по перрону станции Круглое Поле. Будучи пассажиром на незнакомой станции, ощущаешь необычную легкость. Не режет лямка сумки плечо, не давишься в толкотне, вдыхая табачный дым, не ищешь встречающих, не сдерживаешь слезы по провожающим. Ты тут случайно, но волею случая дано некоторое время осмотреться. Осмотреться здесь и вообще.

В темноте с фонарями шли железнодорожники, в щели, дверные прорехи свистел холодный весенний ветер, и мы глубже кутались в свою одежду, Бабка застегнул верхние пуговицы, а я втянул голову в ворот. Заспанные пассажиры, медленно шаркая тапками вдоль поезда, зажигали огоньки у лиц и с облегчением выпускали первое облачко. Вся Земля в тот момент остановилась на перроне перевести дыхание, и никому уже не нужен был ни свой двор, ни калитка, ни коробка с фотографиями, они остались где-то в далекой забытой глубине за сотни километров тайги, откуда ведет нитка – железная дорога. Пахнет углем, и дальний путь, казавшийся всего лишь десятком часов на билете и циферблате, превращается во вполне себе материальные версты, а уголь здесь – спутник горячей энергии, спутник тоски, на генетическом уровне закрепленной в наших сердцах.

И каким бы сильным ни был пассажир, выйдя на станции посреди леса, он вдруг обнаруживает, что стенка поезда совсем не толста, что прелая теплота лучше ночного мороза, что стакан чая – это не просто стакан чая, но еще и беседа, за которую не станет стыдно и которая может быть взаимно искренней без оглядки на статус собеседника.

Я шагал, стараясь не наступать на трещины в асфальте, то увеличивая, то уменьшая шаг. Бабка курил, не обращая внимания на меня, изредка сплевывал, как будто сцеживал, на рельсы.

– Хоть бы фонарей тут поболее повесили, темень.

Проводники у своих вагонов подносили к глазам билеты, подсвечивали фонарями и по одному, а то и группками впускали в теплоту раскрасневшихся новичков.

– Да, Колек, пропащая станция. Тут надо сходить, если сгинуть хочется. Смотри вон, дед еле тащит свой чемодан, бросил бы, дурак старьей, куда ему.

Вдоль пандуса ковылял пожилой мужчина с кожаным чемоданом, одна сторона которого была ободрана – явно от того, что местами его тащили волоком. Дед напоминал скорее бомжа, нежели благополучного старика. Горбатый, прикрывавший ладонью оба глаза, в спортивных трико с белыми полосами. Непонятно к чему наглаженные на этих штанах стрелки совсем сбивали с толку.

И тут случилось, возможно, самое странное событие поездки. Из-за угла вышли двое парней и преградили «бомжу» дорогу. Завязался разговор, они указывали деду на чемодан, тот попятился.

– Баб... Рома, там старичок этот, что-то происходит там. – Я потянул десантника за рукав.

Бабка обернулся и шмыгнул носом.

– Пойдем пообщаемся.

* * *

Двое парней в спортивных костюмах и кепках подходили к деду все ближе. Тот, что повыше, пнул в сторону лежавшую под ногами бутылку.

– Аллю, ребята, вы дедушке этому родственниками приходитеесь?

Парни развернулись в нашу сторону. Теперь я мог их разглядеть. Низкий был сутул, в кожаных туфлях с тупыми квадратными носами. Он сплевывал шелуху от семечек и надменно задира л подбородок. Над бровью красовался глубокий, успевший давно зажить шрам. Второй же ловко подрасстегнул ворот олимпийки и закусил нижнюю губу. Выше Бабки на голову, одну руку он завел за спину, второй стал нервно постукивать по карману.

– Канеш, родственники, ты, мистер генерал, разве не видишь. Племяши. А что такое? Вы с сыночком мороженку купить не знаете где?

Низкорослый развернулся к Бабке и расставил ноги чуть шире плеч. Длинный отшагнул в сторону, явно намереваясь зайти нам за спину.

«Бомж» двумя руками ухватил чемодан и попятился в темноту.

СТАЛО ОЧЕНЬ СТРАШНО: Я ПОНЯЛ, ЧТО СЕЙЧАС БУДЕТ ДРАКА.

Саня Проснев про такое не говорил, но это ведь бандиты, раз они чемодан хотели у старика отобрать? Значит, дело – табак и пора пускать в ход тяжелую артиллерию.

– Деда не трогайте, у него и без нас жизнь не сахар, пусть идет себе, а нам разборки не нужны, ребята.

– Ну чё вписываешься, если не нужны.

Сутулый сделал шаг в мою сторону. Бабка потянул меня за ворот пальцем ближе к себе.

Напряжение достигло апогея, и я, как учил Саня Проснев, правой рукой выхватил из кармана свой складной ножик с зеленой ручкой, нажал кнопку, и лезвие со щелчком встало на свое законное место.

Сутулый опешил и остановился, длинный громко сплюнул.

– Мальчик, ты что тут с перышком делать собрался?

Длинный начал вытягивать руку из-за спины. Что у него там было? Пистолет? Бабка выступил на полшага вперед и принял боевую стойку. Я почувствовал, как под футболкой капля пота скатывается по животу. Никогда еще не приходилось мне держать в руках нож, представлять, что пушу его в ход... Саня Проснев про это не рассказывал.

КАК ТАК ВЫШЛО, ЧТО ЕЩЕ ДВАДЦАТЬ МИНУТ НАЗАД Я ПИЛ ЛИМОНАД В ВАГОНЕ, А СЕЙЧАС ПОПАЛ В ПЕРЕПЛЕТ?

– Ну так куда воткнешь, мальчик? – Длинный снова громко сплюнул и слегка пригнулся, словно лис, готовясь к прыжку.

– В ж...у твою сухощавую воткнет, жираф.

Я обернулся. Сзади, утирая лоб рукавом, стоял Медведь, а Дима, прижимая к подмышке кирпич, застегивал ширинку.

– Ты, малахольный, руку свою не торопись из-за спины доставать, у меня разряд по метанию кирпичей в башку м...м, щас вот дела доделаю.

– Так, пацаны, сыр-бор из-за чего? – Медведь выступил в роли парламентаря. – У нас поезд, мы покурить вышли, давайте в рассос, все по своим делам. У вас свои, а у нас свои, чего делить-то?

Сутулый посмотрел по сторонам. «Бомжа» с чемоданом и след простыл.

– Да нормально все, солдатики, доброй дороги. Мы пойдем. – Они встретились взглядами с длинным. – У нас горшки звенят, будете в наших краях, заезжайте! Хлеб, соль, а тебе, – он посмотрел на меня так, что вдоль позвоночника похолодело, – тебе ромовую бабу. – Он цокнул.

Парни попятнулись, и через полминуты их уже и не было.

В вагоне появились новые люди, они спешно развешивали вещи по крючкам, раскладывали по сетчатым полкам. Держали простыни, перепрыгивая из ботинок в тапки, потирали руки и знакомились. У нас, понятное дело, все было без изменений. А за перегородкой появились две пары пенсионеров.

Трудно было говорить, колени дрожали, и унять эту дрожь, как ни старался, я не мог. Все как-то сбилось в кучу в голове, но я гордился собой, вот бы Проснев это все увидел, не поверит же.

И НЕВАЖНО, ЧТО БАБКА РАЗЖИМАЛ МНЕ РУКУ С НОЖОМ, А МАЙКА СТАЛА ВСЯ МОКРАЯ ОТ ПОТА. Я НЕ СТРУСИЛ.

– Слушайте, ребятки, вы вроде и не курите, и не пьете толком, а в переплеты попадаете. – Дима покачивался чуть сильнее, казалось, произошедшее было для него всего-навсего шуткой, игрой. – Медведь, начисляй!

И дорога понесла нас дальше. Я отогрелся, отпустил мысли о том, что могло бы случиться, если бы не вовремя подоспевшие Дима и Медведь. Захотелось есть.

– Кипятка кому принести? Я поужинаю.

Но ребята, увлеченные беседой, меня не услышали. Я сунул стакан с пристывшей к стенке заваркой в подстаканник, подумав: что ж, прогуляюсь. Это ведь особое удовольствие – заботиться о себе самому. Самостоятельно налить кипятка, пройти мимо соседей – да, сам, сам еду в поезде, сам завариваю себе чай. Если надо помочь, и вам кипятка могу принести.

А что, если завтра на вокзале папа не встретит? А если машинист решит проехать чуть подальше, чтобы ближе было идти в буфет, и я перепутаю перрон? Ладно, решил я, главное, чтобы не цыгане. А остальное не так страшно.

В первом от проводника купе уже спали. Люди, отвернувшись к стенкам, похрапывали, с верхней полки торчали мужские пятки. И как взрослым удастся не врезаться, проходя мимо этого человека? Сейчас поем и тоже залезу на свою верхнюю полку, накопившаяся усталость потянула к подушке. Только напомним проводнице, чтобы разбудила.

Я постучал в дверь. Тишина. Дернул рукой, и купейная перегородка отъехала в сторону – проводника не было. Собрался я было закрыть дверь, но тут взгляд упал на торчащий из-под нижней полки край чемодана. Того самого чемодана, со стертým углом, который тащил старик на вокзале Круглого Поля. Сердце бешено заколотилось. Что он здесь делает, металось

в голове. Как он тут оказался? Надо срочно рассказать об этом парням. А вдруг это не тот чемодан? На смех поднимут.

– Коля, ты меня ищешь? – Из тамбура выглянула проводница.

– Да, хотел напомнить...

– Я отлично все помню, ложись спать – разбужу так, чтобы зубы успел почистить до санитарной зоны. Все, дуй давай, товарищ пассажир. – Она проскочила в свое купе и захлопнула дверь.

* * *

Да нет, не тот это чемодан, думал я, просто привиделось, неоткуда ему тут взяться, сдался нашей проводнице чемодан какого-то бомжа из деревни.

Бабке я ничего говорить не стал, плотно поужинал, залез на полку и, завернувшись в шерстяное одеяло поверх простыни, уснул.

Мне снился мой двор с ржавой каруселью, которая когда-то крутилась, но сейчас уже не крутится. Все коты сбежались к тете Нюре из третьего подъезда, а она крошит им хлеб в молоко на крылечке. Небо над домом высокое и голубое, а когда набегает ветерок, облака ползут чуть быстрее.

– Саня, Саня! Выходи скорее, я тебе сейчас такое расскажу! – кричу я.

Но Саня не появляется на своем, единственном незастекленном, балконе.

– Саня, ну ты где? У меня уже горло болит орать, выходи во двор!

Куда пропал мой лучший друг, недоумеваю я. Почему во дворе никто не гуляет, только кошки и тетя Нюра? Может, зайти постучаться в дверь? Но тут я обнаруживаю, что не могу попасть в подъезд, не могу переставлять ноги – какое же все ватное!

– Ну что, пацан! Я тебе тут ромовую бабу принес...

Это вовсе не тетя Нюра кормит кошек, это сутулый бандит со станции вымачивает хлеб в молоке.

– Не надо мне, отстаньте от меня, пожалуйста!

Господи, что же происходит вокруг, почему во дворе никого нет...

Сутулый протягивает мне хлебный мякиш и скалится. Вот он делает шаг, вот еще один...

Не могу бежать, как же все медленно.

– На, покушай, мальчик! – Он шагает кожаными туфлями ко мне.

Не могу, не могу бежать, хоть кто-нибудь, помогите!

* * *

– Да твою ж мать! Вы совсем офигели? Я сейчас стоп-кран дерну, и ссадим вас, нарядом милиции! Берега попутали!

Я открыл глаза: в вагоне горел свет, посреди нашего купе стояла и орала проводница.

На нижней полке напротив меня сидел сонный Дима, подо мной – ничего не понимающий Бабка и потирающий левый глаз Медведь.

– Что случилось? – Я свесился вниз.

– Случилось! Вон лбы, а интеллекта как у ребенка! Ну если гуляете, так по-людски же надо! Сейчас транспортный наряд подойдет – не доедете, идиоты! – Проводница не на шутку разошлась.

Только сейчас я обратил внимание на то, что в проходе стоит семья пенсионеров-соседей и проводник смежного вагона.

– Ну перепутал я, перепутал, простите, темно же! – Медведю было явно неловко; судя по всему, он был зачинщиком скандала.

– Я тебе покажу перепутал! Сопляк! Форму еще носит. Не позорился бы! – В проходе тряс кулаками супруг-пенсионер. – Вас, дураков, лупить надо! В советской армии таких дебилов не было никогда! Нашел он бабку!

– А что, собственно, произошло, кто-то может мне объяснить? – вмешался Дима.

– А домогаться начал ваш пьяный друг мою жену, вот что произошло, и я этого оставлять не собираюсь, я заявление напишу! – Пенсионера было не остановить.

– Да сдалась мне твоя жена, ты чё упоролся, старый, ты мне за что клюшкой своей влупил? – У Медведя под глазом наливался синяк.

– За что? Ты еще спрашивать будешь? Нахальная твоя рожа. Залез к моей жене в койку и шепчет: «Бабка, подвинься», да я тебя щас убью, дурак! – И старик замахнулся клюкой.

На представление стянулось пол вагона, все наострили уши и ожидали, чем же это закончится.

Первым заржал Диман.

– Отец, смотри, это – Бабка, – он показал на Рому, – погнало у него Бабка, с армии. Полка расположена как у твоей супруги, а Миша просто промахнулся купе и присел к ней с просьбой «подвинься», ожидая, что там его друг, понимаешь?

Теперь заржал Бабка, стали похрюкивать и все собравшиеся. Проводница выдохнула. Вагон заполнился гоготом.

– Идиоты, – постучала она пальцем у виска, глядя на Бабку. – Заявление писать будете?

– Спать мы будем, я ему под глаз уже заявился. В советское время такое было недопустимо, дегенераты наплодились! – И пенсионеры пошаркали за перегородку.

– Спать мне дайте, пожалуйста, господа! – Диман отвернулся к стене.

– Обидно, хоть бы бабка была симпатичная, а так фингал ни за что! – Медведь полез на полку.

– Ты еще пооскорбляй давай, хамло, – донеслось из-за перегородки.

Верхний свет погасили, и вагон погрузился во мрак. Меня покачивало. Навстречу со свистом пронесся товарный состав.

**УТРОМ НА ВОКЗАЛЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ВСТРЕТИТЬ ПАПА, Я
ВСЕ ЭТО РАССКАЖУ ДУМАЛ Я, И МЕНЯ БОЛЬШЕ НИКОГДА
НИКУДА НЕ ОТПУСТЯТ ОДНОГО.**

Поскорее бы утро. Я нащупал в кармане под одеялом ручку подаренного Саней ножа и закрыл глаза. Поскорее бы утро.

Бабка

Имя «Рома» понравилось Антонине Сергеевне много лет назад. Оно как будто немножко про любовь и про надежды. И если первого мальчонку, старшего, они с мужем назвали вместе Саней, «потому что мужик должен вырасти!», то на второго загулявшему отцу было уже плевать.

Поэтому, когда муж бросил ее во время беременности вторым ребенком, вопрос о том, как назвать сына, не стоял. Антонина Сергеевна твердо решила: будет Рома. Романтичный, отдушина. Он и стакан на старости поднесет.

Но, как бы того ни хотела мать, рос Роман совсем не тихим и спокойным. В пять лет его поймали за курением. Соседка, отцеплявшая прищепки от веревок на балконе, увидела, как он, сидя на лавке рядом с дворником, прикуривает сигарету. Конечно, не взятяг, конечно, дворник скорее подшутил над лопухим мальчуганом, но санкции последовали самые серьезные. Антонина Сергеевна купила пачку «Примы» без фильтра и притащила Ромку с огромными глазами на кухню.

– На вот, кури.

Она дрожащими от злости руками воткнула в губы несмышленьша сигаретину. Вошел старший сын. Он уже знал, что будет дальше, и, скрестив руки на груди, оперся на дверной косяк. Саня улыбался.

Ромка же, ждавший, что ему прилетит ремня, совершенно растерялся. Получается, мать разрешает курить? Ну все, взрослый, настало новое время, в саду все обзавиду-ются! Сигарета затлела. «Прима» очень комично смотрелась между указательным и средним пальцем пятилетки, сигарета, в полтора раза длиннее самих пальцев, дымила так, что у курящего проступили слезы.

Мальчик закинул ногу на ногу:

– Саша, на, будешь?

Но брат, засмеявшись, от столь щедрого приглашения отказался. Мать в гневе, не выдержав происходящего представления, влепила Ромке такой подзатыльник, что он грохнулся с табуретки, а «Прима», отлетевшая в угол, на долгие годы оставила на линолеуме отметину. Ремня ему в тот вечер все же перепало.

Были в этом детстве и разбитые окна, и колени в кровавых ссадинах. До безумия добрый, Ромка тащил домой бездомных котят, до безумия смелый, дважды оказывался в кабинете инспектора по делам несовершеннолетних.

Бабушки в подъезде души в нем не чаяли, воспитатели же и учителя готовы были уволняться, лишь бы не иметь с ним дела.

Так шло до тех пор, пока школьный трудовик, по совместительству первый баян школы, не дал Ромке выучить стихи к празднику 8 Марта. Декламировал наш герой как Бог! Аплодировала стоя вся учительская, одноклассники и преподаватели, пораженные подачей, отвязной, непринужденной манерой чтения. Настолько не ожидали, что хулиган Ромка способен выдать стоящее представление, что кто-то даже нарвал цветов на клумбе за школой и бросил на сцену. Довольный трудовик с ехидной улыбкой заиграл плясовую, и Ромка под крики одобрения пустился в пляс.

ТАК ВЧЕРАШНИЙ ЛОБОТЯС И ЛИХОЙ ШКОЛЬНЫЙ ХУЛИГАН ПРЕВРАТИЛСЯ В ЗВЕЗДУ.

Точные науки ему не давались, но характер, основу которого составляла неспособность к компромиссам, помогал резво взбираться по канату на уроке физкультуры и примерять на себя роль Спартака Джованьоли на уроках литературы.

* * *

Годы полетели. Ромка переходил из класса в класс, девчонки перестали злиться на подергивания косичек, а учителя, хоть и покачивали пальцами, но делали это скорее в рамках традиции. Мальчуган рос. Рос и Саша. Ромка, привыкший во всем равняться на старшего брата за неимением отца, души в нем не чаял. И хотя разница между ребятами была невелика, брат, конечно, считался более авторитетным, чем все окружающие.

Саню призвали в армию, и, как это часто бывает, ноша ему выпала едва ли по силам. Началась первая чеченская кампания.

**ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ГОВОРИЛИ, ЧТО СРОЧНИКОВ НЕ БЕРУТ,
А СОСЕД НИКОЛАЙ ТРОФИМОВИЧ, ВЕТЕРАН ВОВ, ПЕРЕД
ОТПРАВКОЙ НА ВОКЗАЛ ПОСТУЧАЛ КОСТЫЛЕМ В ПОЛ: «НУ
ВСЕ, САНЯ, МУЖИКОМ СТАНЕШЬ! ДВА ГОДА ПРОЛЕТЯТ. НЕ
ЗАМЕТИШЬ!»**

И Саня поехал. Сначала в Рязань, а потом письма прекратились. Совсем. Позже приехали из военкомата и сказали, что Саша был в Чечне, пошел за дровами и не вернулся. Нет, не погиб, пока неизвестно, может, в плену, найдется обязательно. Но новостей нет.

Все соседи теперь провожали Рому молчаливым взглядом, а мать сильно сдала. Сидела и вязала целыми днями. Шерстяные носки. Она связала их столько, что, наверное, за всю жизнь не сносить, но Рома носил, даже в теплую погоду.

Само собой все как-то изменилось в квартире. В его комнате стояли две койки и письменный стол. Койку брата Рома заправлял по инерции еще примерно год. Потом перестал. Они с матерью ждали, что однажды Саша поднимется по лестнице, сядет в их прихожей и, скинув камуфляжную гимнастерку, скажет: «Ну привет!» Но этого никак не происходило.

Через пять лет на соседской свадьбе к матери подсел парень, который призывался вместе с Саней. Он перебрал и в хмельной полудреме пробормотал, что «вокруг блокпоста до самого горизонта ни одного дерева не росло. Продали его, Саню вашего».

Ни в тот вечер, ни на следующий день, протрезвев, он больше ничего не говорил. Возможно, наболтал, а может, и правда что-то знал, но не пытаться же его было.

Но дни теперь потекли иначе. И школьник вырос. Он выпрямился, а залихватское веселье ушло навсегда. Идиотское сострадание одноклассников и друзей неимоверно раздражало Рому, но каждому же этого объяснять не станешь, да и бессмысленно это.

* * *

Однажды, холодным апрелем, одноклассники сгрудились в беседке одного из многоквартирных домов. День двигался к своему финалу, но все вокруг таяло, пятиэтажки с мокрыми боками стряхивали сосульки, и домой идти никому не хотелось. Кто-то притащил две двухлитровки пива.

Рома никогда не выпивал; как-то и поводов не было, шумных вечеров в их семье не случалось. Друзья часто гордились: «Мне отец сказал – на, попробуй, лучше здесь, чем в подъезде...» И ребята пробовали. Ему же не приходилось.

Из машины у подъезда пела Ветлицкая, то есть и не пела, а просила: «...Посмотри в глаза, я хочу сказать...», ноги промокли, снег был уже совсем не снегом, а слякотной кашей.

**СПРОСИШЬ СЕБЯ, БЫВАЛО, ОТЧЕГО ТАК РАДУЕШЬСЯ
ЭТОЙ КАШЕ? ГЯЗНОЙ ВЕСНЕ, ЧЕРНЫМ ДЕРЕВЬЯМ И
МОКРЫМ НОГАМ? ДА ОТТОГО, ЧТО ЭТО – ПЕРЕМЕНЫ.**

Что ждал ты их долгие несколько месяцев, мерз, кутался в пуховик, лечил горло, а теперь будет по-другому.

На улице включались рыжие фонари, а в окнах квартир семьи садились за ужин. Каждый второй проходящий мимо беседки замедлял шаг. Прохожие начинали дышать забытым весенним воздухом.

Когда одноклассник протянул хрустящую двухлитровку «Рифея»⁵, Рома даже и не думал отказать, та к уж хорошо все вокруг было, и тепло наконец, надо попробовать.

Минуты потянулись неосвязаемо.

Потом шутили и громко смеялись. Девушки, проходившие мимо беседки, чуть задержались, и Ромка хотел было представиться, но язык не послушался, удивительное дело!

Он приподнялся на перилах, но рука соскользнула, его качнуло в сторону, и Рома с громким шлепком упал. Рукав пуховика промок, на штанину налипла грязь.

Еще через пару минут возле беседки появились сотрудники ППС. Наверное, кто-то из очень бдительных жильцов дома решил, что пора заканчивать вечеринку.

* * *

В отдел милиции их привезли уже за полночь. Сидя на протертом красном кресле, будто выдранном из зала кинотеатра, весь в грязи, Рома чувствовал себя совершенно разбитым. Падая, он зацепил бровью сварную столешницу.

Кровавый след, уходивший на висок, запекся, и теперь у любого мента не вызывало сомнений – в коридоре ОВД сидит пьяный алкаш, ввязавшийся в драку.

**ЧТО МАТЕРИ ТЕПЕРЬ СКАЖУТ ДУМАЛ РОМА.
ЧТО В ШКОЛЕ? И НЕ ПИЛ ВЕДЬ НИКОГДА, А ТУТ СРАЗУ.**

Сейчас еще пометку сделают, в каком-нибудь там своем формуляре, в армию не возьмут. Или возьмут, но в стыдный стройбат, рельсы таскать и окапывать туалеты.

Рома так хотел быть похожим на брата, призваться сразу после школы и пойти служить в армию. Он и в военкомат на приписную комиссию пришел как на праздник, и все врачи сказали твердо: «Годеи».

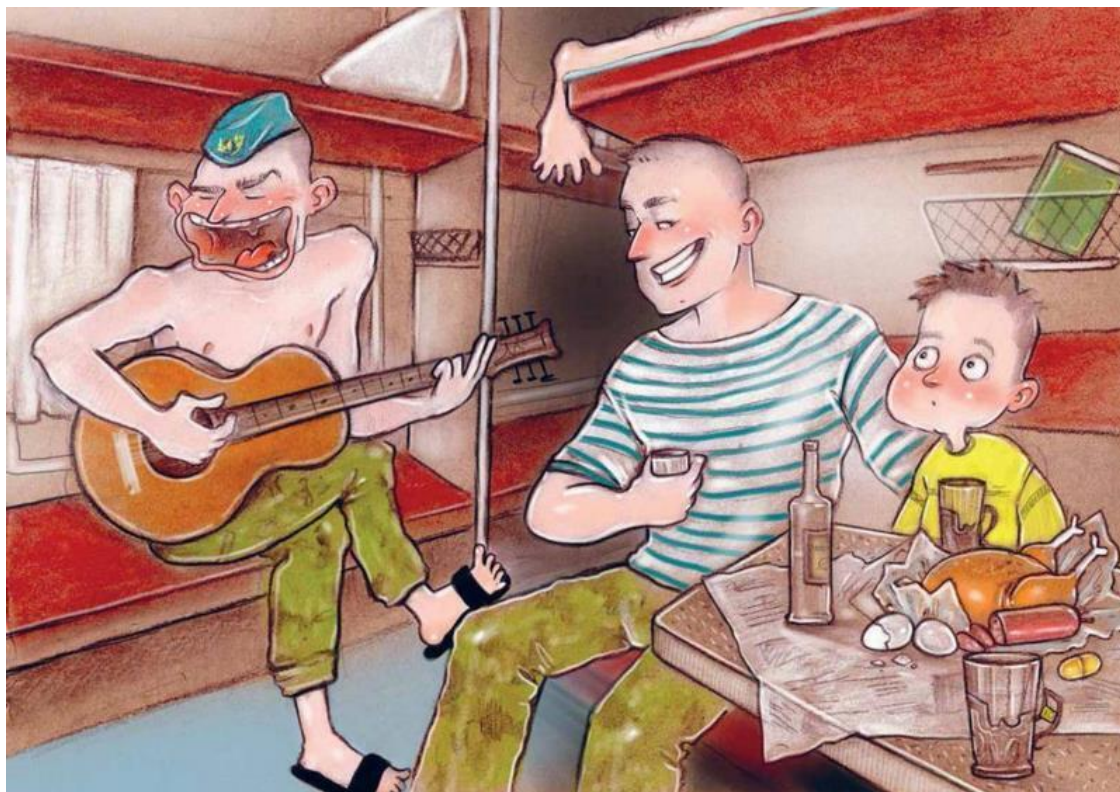
Вдруг удастся его разыскать, встретить, отвоевать, найти, надеялся Рома.

**СТАТЬ НАКОНЕЦ МУЖЧИНОЙ, ЗАЩИТНИКОМ, ЧТОБЫ
МАМА БРОСИЛА СВОЮ ПРЯЖУ И ГОРДИЛАСЬ
МЛАДШИМ, ПУСКАЙ КОГДА-ТО БЕСПУТНЫМ, НО ТЕПЕРЬ
САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ, ПОВЗРОСЛЕВШИМ СЫНОМ.**

А теперь он сидит в милиции, грязный, с разбитой башкой и запахом изо рта. Господи, как же стыдно!

– Ну чё, товарищи начинающие алкаши. – Из-за решетки, сваренной в форме солнышка, в центре которого находилось окно приема заявлений, раздался голос дежурного. – С майором говорить будете, лично вас примет.

⁵ «Рифей» – марка пива, выпускавшегося преимущественно в большой таре в середине и конце девяностых на Урале.

Заявлений на вас не поступило, но родителям я сообщил. Ж..пы гореть от ремня точно будут! – И дежурный отвернулся к телефонным трубкам.

Кабинет майора в конце коридора был закрыт. Ребята и не думали, что там, в конце темного туннеля, вообще кто-то есть в первом часу ночи.

Джон Леннон говорил, мол, жизнь – это то, что случается с нами в тот момент, когда этого совсем не ждешь. Сколько бы ни миновало лет, Рома не переставал удивляться тому, насколько рабочей оказалась эта истина. Город давно спит, огромные, мутные днем, но безупречные своей чистотой ночью, лужи отражают фонари и связывающие их провода. За стеной отделения лает собака, а в коридоре повис густой дым. Дрянное дело, вечером всегда знаешь, в каком направлении дом, но отчего-то именно весной тянет от дома подальше, даже если это «дальше» может привести совсем не туда, куда планировал.

**В ЮНОСТИ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВПЕРЕДИ ВЕСЬ МИР И ОН
ЖДЕТ ТОЛЬКО ТЕБЯ – ЗАСТРЯВШЕГО В ТЕКСТУРАХ БЫТА,
В КЕМ-ТО ПРИДУМАННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ К НУЖНОМУ
ЧАСУ БЫТЬ В ОПРЕДЕЛЕННОМ МЕСТЕ.**

А с возрастом понимаешь, что тяга эта колдовская никуда не исчезает. Что провода еще более призывно зовут тебя весной.

Рома пощупал опухшую бровь. Саня, знал бы ты, как я соскучился, думал он. Как я хочу просто помолчать рядом.

Дверь в конце коридора отворилась, и прямоугольник света из проема упал на стену и пол.

– Я фарш достану из морозилки, пап, а потом, как приду домой, налеплю. Нет, не забыла, позвоню, конечно. Пока.

На пол шага в коридоре показалась фигура девушки, она явно разговаривала с кем-то, кто сидел в кабинете. Рома чуть выпрямился в своем «кинозальном» кресле.

– Да надоело мне отзваниваться, я не в твоей этой темнице, у меня свои дела есть! – Девушка захлопнула дверь и твердо зашагала в сторону сидящих ребят.

– Катя! Катерина! – В коридор выскочил майор. – Похлопай еще тут!

Девушка остановилась напротив Ромы, не обращая внимания на окрики отца.

– У тебя тут особо опасный уголовник кровью истекает. – Катя достала клетчатый платок из кармана олимпийки и с улыбкой протянула его растерявшемуся Роме.

**И ЕСЛИ В КНИГАХ, КОТОРЫЕ ОГРОМНЫМИ ПАЧКАМИ
ДАВАЛИ ПРОЧЕСТЬ НА ЛЕТО, ПОДОБНЫЕ ВСТРЕЧИ
ОПИСЫВАЛИ ДЛИННЫМИ АБЗАЦАМИ С КРАСИВЫМИ
СРАВНЕНИЯМИ И ЭПИТЕТАМИ, ТО НА ДЕЛЕ ВСЕ ОКАЗАЛОСЬ
ИНАЧЕ.**

Рома почувствовал себя рыбой – глупой, пучеглазой, беспомощной, выброшенной на берег; он хватал ртом воздух и совсем не понимал, что ответить этой безумно красивой девушке. В сложившейся ситуации платок не мог исправить ровным счетом ничего – но исправил все.

Катин отец – майор милиции – продержал их полчаса. Была лекция о вреде алкоголя и табака. Потом – поездка домой на УАЗе и разговор с матерью. Дома проблем не возникло, особое чутье позволяло маме избегать длительных объяснений с сыном.

Ну а потом завертелось. Адрес майора Захарова найти особого труда не составило, и Катин платок был возвращен. Бровь почти зажила, и Рома просто обязан был показать, что не всегда в рванье и грязной одежде с девушками знакомится.

Они стали гулять. После уроков пения – а пела Катя великолепно – встречались и шли домой. Несмотря на то, что жили они далеко друг от друга, Рома всегда находил время появиться у подъезда.

Майор Захаров дважды в грубой форме попросил, а скорее приказал в свойственной ему манере, не появляться на пороге их квартиры. Но подобные вещи Рому не пугали.

Вспылив в очередной раз, майор вырвал вилку телефонного аппарата из стены вместе с розеткой, так что дозвониться до квартиры Захаровых стало невозможно. Отец, воспитывая Катю в одиночку, искренне считал, что и парня, впоследствии мужа, он найдет дочери сам. Порядочного, обеспеченного и со статусом. Лучше военного, а еще лучше – в офицерском звании. Эта позиция была известна влюбленному Роме, и оттого тяга к армии усилилась в разы. Он знал: вот отслужит, вернется и сделает предложение Кате, а то, что телефона нет, так это не беда. Он готов ждать ее у подъезда часами.

Старушки его давно знали и привыкли к нему настолько, что у Ромы появилось собственное место, с краю на лавке. Влюбленный парень становился невольным слушателем всех обсуждений.

Катины подруги подшучивали:

– Чем отличается Рома от бабок у подъезда? Тем, что бабки в дождь сидят дома.

Так и закрепилось за ним это странное «погоняло» – Бабка. И нет, такая кличка не обижала Рому. Он прекрасно понимал: постоянное ожидание Кати, желание быть рядом с ней, просыпаться и не иметь возможности избавиться от мыслей о девушке – все это граничит с маниакальным отклонением, но иначе как любовью назвать это не мог. Да и бабки к нему привыкли. Однажды зимой, когда он простыл и захрипел с температурой в постели, они сами позвонили его матери, и тогда в гости пришла уже Катя – конечно, тайком от отца.

* * *

Еще через год школа выпустила Рому с аттестатом, а военкомат прислал ему долгожданную повестку.

Одноклассники и товарищи разъехались по вступительным комиссиям, многие считали Романа, с его тягой к десантным войскам, сумасшедшим. Солдат то и дело отправляли на картошку в поля, в новостях часто говорили о дедовщине и самострелах, а красивые кадры с высокими парнями в лакированных сапогах показывали только с парада на Красной площади. Но Рома, казалось, не понимал и видеть всего этого не хотел.

Катю Захарову тем временем папа без особого труда «поступил» на юридический факультет, она и не противилась.

* * *

Медкомиссия военкомата представляла собой довольно странное мероприятие. Ребят попросили раздеться до трусов и, двигаясь по резиновой дорожке босиком, друг за другом входить в кабинеты докторов. Перед тем как очередной юноша ступал на резиновую дорожку, престарелая дама-секретарь выдавала ему карточку и просила расписаться в получении в желтом журнале.

– Куды ты прешься, ну куды? Ну носки мамка сымать не учила? Балбесы. Я тебе сразу щас уже скажу, куда тебя возьмут, дятел! – говорила она, коверкая слова на деревенский лад, и с каждым выразительным словом изо рта показывался золотой зуб и летели слюни. Секретарь шепелявила. Наличие золотого зуба совершенно не компенсировало отсутствие еще пяти в ряду.

– Солопов! На карточку, да не чешись ты. Сомов? Ну куда рвешь-то? Карточку порвешь, отправим на Камчатку, детина. Иди давай.

Большинство ребят робели, многие не хотели в армию, о врачах в приемной комиссии ходила масса баек, многие из них совершенно абсурдные, даже анекдотичные.

Например, про хирурга рассказывали, что у него за ширмой стоит граненый стакан с прохладной водой и, если призывник вдруг вошел на осмотр с эрекцией, а ведь случается всякое (в этот момент рассказчик обычно многозначительно и серьезно разводил руками), хирург подавал стакан. Так вот один призывник растерялся, ситуация ведь для обывателя более чем пикантная. Схватил и залпом выпил стакан. Дальше уже хирург растерянно схватился за голову. А штука-то в том, поясняет рассказчик, что в воду надо было орган окунуть и никто не знает, сколько человек это уже сделали.

* * *

Терапевт и военком протянули Роме карточку.

– Не проходишь ты, Роман, в десантные войска. 174 сантиметра в тебе, этим ребятам побольше надо.

– В смысле? Ну так я вытянусь еще, мне обязательно надо.

Рома испугался. Как это не проходишь, металось в голове, они сдурели, что ли?

– Мало ли чего надо, тут нижняя граница роста 175 сантиметров, это внятяг уже. – Терапевт задвинул ящик стола и снял очки.

– Блин, мне надо, я... – Ромка сглотнул, – у меня брат... там служил, мне правда очень надо. – Его голос дрогнул.

Военком поднял глаза.

– Иди одевайся. Мы сейчас с Сергей Сергеевичем еще посоветуемся немножко. Ты там в фойе, возле красного уголка, подожди.

* * *

Военком и Сергей Сергеевич договорились. Роме дали категорию «А» и направление в ВДВ России. Этот был один из самых счастливых дней в жизни Бабки.

* * *

На плечи призывника падал первый осенний снег, мама на вокзал не поехала, Бабка и не хотел, чтобы она его провожала, в прошлый раз она так же провожала брата, Саню. Он специально снял все постельное белье со своей кровати, чтобы не надо было ничего заправлять. Сам вернется и заправит.

ПООБЕЩАЛ ПИСАТЬ ЧАСТО И ПОПРОСИЛ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ. МАМА НИЧЕГО НЕ ОТВЕТИЛА.

Ночью перед отправкой он дважды просыпался и подходил к окну. Казалось, оставляет здесь что-то очень важное, как будто в это окно уже никто никогда не сможет взглянуть так, как смотрел Бабка. В комнате тикали часы, громче, чем днем, намного. На койку Саньки падал свет от уличного фонаря из окна. Все эти годы она как будто ждала момента, чтобы заговорить, и теперь в последнюю ночь молчала. Рома прошелся по комнате и сначала присел, а потом и прилег на койку Саньки. Катя провожать не придет, отец не пустит, да и сказали они уже все друг другу. Обещала ждать, учиться пока начнет, туда-сюда. А там, может, и Захаров остынет. Вряд ли, конечно, но вдруг. В форме с ним общаться, по крайней мере, можно будет на одном языке. Но, конечно, майор с нетерпением ждал дня, когда назойливый ухажер дочери наконец отвалит в свою армию на два года.

Фонарь светил прямо в лицо. Рома закрыл глаза и заснул.

* * *

Катя прибежала перед самым отходом состава. Она улыбалась. Поцеловала.

– Ну что ты понурый такой? Я к твоей маме зайду, не переживай, не кури там только.

– Не собираюсь курить, с чего ты взяла?

– В армии все курить начинают, отец говорит.

– Ну раз отец говорит... – Рома подтянул лямку рюкзака. – Ну раз отец говорит, назло курить не буду.

Катя засмеялась.

– Люблю тебя, Ром.

Они поцеловались.

* * *

Этот, самый важный, по его мнению, перрон Бабка в своих воспоминаниях выучил со всех сторон. И киоск с сигаретами, и две урны у подземного перехода за спиной Кати. После тяжелого дня, после прыжков и даже после марш-броска в Коми, когда остальные ребята спали без задних ног, не видя снов, Бабка приезжал во сне на поезде на этот перрон.

Тут всегда идет первый снег, женщина-диктор неразборчиво гудит что-то о времени прибытия и отправления. Он выбегает, почему-то со стороны вокзала, перепрыгивает через первый путь, поскользывается и успевает к отходу поезда. Вагон уже трогается, а родной, любимой Катинной головы среди огромного количества сгрудившихся в кучи людей нет, и Бабка как проклятый мечется среди провожающих, проводник до последнего не поднимает площадку и машет руками. А Кати все нет. Кажется, что она должна быть здесь, но отчего ее нет, Бабка не понимает. Из-за шторки в вагоне совершенно безучастно смотрят люди, дворник метет чертов первый снег и не смотрит на взмыленного, с расстегнутым воротом парня в камуфляже.

– Катя, ты где? Где ты?

Рома кричит, но слова вязнут в гуле толпы и стуке колес. Машинист поддает, и вагон набирает скорость. Пролетающий мимо поручень еще можно догнать, и Бабка делает это, цепляется, отталкивается от перрона.

Сложилось бы все иначе, останься он здесь? Наверное, но история, пускай и личная, не знает сослагательного наклонения.

* * *

Медведь и Диман в армию идти не хотели, они были из тех, чьим родителям на покупку военного билета денег не хватило, а заматываться в мокрую простыню на балконе, чтобы перед призывом слечь с пневмонией, обоим было банально лень. Но в казарменную историю они очень быстро втянулись и стали Ромке лучшими друзьями. Они знали про эти сны – в конце концов, у каждого в армии свой «гражданский вещмешок» – и, по традиции, с которой проходят через воинство все поколения россиян, подтрунивали, по-доброму, над Бабкиным перроном и «злым ментом», который чахнет над принцессой на гражданке.

Нет в мире лучшего способа проявить сострадание, чем превратить страх друга в юмор.

**ОБЫЧНО К ЭТОЙ ИСТИНЕ НАДО ИДТИ ДОЛГОЙ ДОРОГОЙ,
НО СРОЧНАЯ СЛУЖБА – ЭТО ЖИЗНЬ В МИНИАТЮРЕ, И ВСЕ
ЗДЕСЬ ЧУТОЧКУ БЫСТРЕЕ.**

Вот и сегодня, когда Бабка, мокрый от пота, ухватился за спинку кровати и сел посреди казарменной ночи, сонный Медведь свесился со второго яруса.

– Ну чё, сегодня хотя бы проводницу за с...у пощупал?

– Пощупал, она просила передать, чтобы ты шапку надевал и ел хорошо, Мишенька. Казарма снова погрузилась в сон.

НОВЫЙ ДОМ

В моем родном городе не было трамваев, широченных мостов и набережных с кустами акации и шиповника. Здесь же ребята делали свистульки, высыпая из стручка зернышки, – искусство, научиться которому не так-то просто. А шиповник я видел разве что засушенным в аптечных бумажных пакетах. Мама заваривала его, когда я болел. И домов выше девяти этажей в моем городе тоже не было. Если выше девяти этажей, значит, почти небоскреб получается? Безумно страшно, должно быть, там, наверху, жить, думал я. Вдруг лифт оборвется, пожар или еще чего.

К счастью, квартира наша новая была совсем не нова, расположилась в доме сталинской постройки, на втором этаже, в доме облупившемся, но с толстыми стенами и прохладным подвалом. Мне она сразу понравилась, окна спальни выходили на сквер Строителей. Это даже не сквер – большой парк, с длинной асфальтированной дорожкой, местами перекрытой деревьями. Чтобы дойти до конца сквера, потратишь час и встретишь по пути много собачников и старичков. Вечером на лавках собирались алкоголики, безобидные, но иногда шумные. Некоторые оставались в сквере до утра, наверное, потому, что транспорт ночью не ходил, а денег на такси у них не было. Вот только я не мог понять, почему алкоголики едут подальше от дома, в наш сквер, это же неудобно. Папа сказал, вырастешь – поймешь. Он часто так говорил.

СТРАННЫМ КАЗАЛОСЬ ВСЕ. ГЛАЗА ЦЕПЛЯЛИСЬ ЗА КАЖДУЮ МЕЛОЧЬ, ВСЕ, ЧТО БЫЛО ОБЫДЕННЫМ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ НОВОГО ГОРОДА, ДЛЯ МЕНЯ СТАЛО НАХОДКОЙ.

Соседка с первого этажа, в халате и засаленном переднике, каждое утро кормила котов и собак. Нет, это были не ее коты и собаки, это коты и собаки, брошенные на улице, а может, и не брошенные, просто живущие сами по себе.

– Чеплашки⁶ мои не тронь и мячом не пинай, у нас тут никто не пинает мячом. – Она потрясла лиловым пальцем в сторону рядка мисочек. – Как звать?

– Коля звать, не буду трогать, мне не надо, – я засмутился.

– Вот и хорошо, Коля. Можешь им наливать воды, только кости куриные не выноси – они острые. Нельзя! У Тархановых Кейси, терьерчик, кость заглотила, куриную, и вспорола себе кишку. Померла собачка! – Соседка вздохнула. – Меня Валентина Петровна зовут. – Она взяла мисочку и отерла кайму фартуком.

Чуть позже оказалось, что и мячом пинают, и делают это чуть ли не специально. Коты, кошки и бродячие собаки до такой степени достали всех жильцов дома, что с Валентиной Петровной не разговаривала добрая их половина. Весной дворовые ночи наполнялись истошным кошачьим ором, а миски кто-то дважды выбрасывал, но «Валя-кото-ферма» (такое прозвище Валентине Петровне дал старший по дому) бесконечно выносила новые. Ванночки из-под майонеза и масла «Рама», лоток от селедки, литровая баночка для воды. Конечно, красоты двору это не прибавляло, но мне кажется, это здорово, когда есть кому подкармливать бездомных животных. И мисочки стоят себе, не мешают, как на выставке, в детской песочнице.

Несколько жителей дома каждый день выходили к подъезду, рассаживались на лавке и «дышали свежим воздухом». Отец представил меня этому собранию в первый же день приезда. Сразу после вокзала, с сумкой на лямке, я поздоровался.

⁶ Чеплашка (разг.) – небольшая емкость.

ДОМ – КАК МАЛЕНЬКАЯ ОБЩИНА, В КОТОРОЙ ВСЕ ДРУГ ДРУГА ЗНАЛИ, И НАША СЕМЬЯ ПОСТЕПЕННО СТАЛА ВЛИВАТЬСЯ В ЭТОТ МИКРОМИР

Все здесь жило по собственному своду правил. Двор, состоявший из трех домов, оживал ранним утром, Кото-ферма выносила рыбные обрезки, и ее благодарное «стадо» подтягивалось к нашему подъезду со своих нагретых ночной спячкой углов. Через пятнадцать минут во двор въезжал мусоровоз, и грузный дядька, матерясь, начинал перещелкивать кривые рычаги. В субботу же все выносили ковры и половики, летом их вывешивали на турник, а зимой бросали в сугроб и слегка закидывали снегом. После чистки на снегу оставался серый или коричневый прямоугольник – чем насыщеннее пыльный след, тем усерднее работал хозяин ковра. Это довольно странно, но след от удара выбивалки на долгие годы станет для меня устойчивой ассоциацией с начавшимся уик-эндом.

Дворовые пацаны в первый же день пришли к нам знакомиться: кто-то разнес весть, что в дом заехал новенький, – и я, важный как иностранный индюк, довольно долго отвечал на расспросы о старой школе и о нашем городке. Рассказывал про речку, про Саню Проснева, что из тополей рогатки лучше не делать, ведь тополь – ломкое дерево. Пацаны мне возражали, что рогатки – прошлый век и лучшее оружие – это обрезанное горлышко от бутылки, на которое натянут аптечный напальчник. Сейчас, спустя время, я с ними полностью согласен.

Уже вечером мы пинали мяч. Самой популярной игрой здесь был «Квадрат». Вообще, футбольный мяч во дворе – это штука магическая, если у тебя есть футбольный мяч – ты желанный друг, именно тебе решать, когда закончится игра. По тому, как мальчик обращается с мячом, может ли он «закручивать», бить «сухим листом», набивать на одной ноге или попеременно, можно понять, каков его статус в околоспортивной дворовой иерархии. Мне с этим не повезло, и в футбольных матчах, наряду с самыми толстыми ребятами, я часто стоял в створе ворот. Ну а что касается «Квадрата» – это целое искусство. Четыре человека встают по разным углам нарисованного мелом на асфальте квадрата, каждый защищает свой сектор.

Важно ногой, в одно касание, отбить мяч на сектор противника.

В доме жили и девочки, они перемещались по двору пестрыми стайками. У них, понятное дело, игры были совсем другие. В моем старом дворе было три девочки, и все сильно старше меня, здесь же я даже не смог сразу запомнить их имен. Они смеялись.

– Новенький, пинай давай. Чёты рот открыл, они бестолковые.

И я пинал. Почему они бестолковые, думал я. И вообще, какой с них должен быть толк?

В тот день загнали домой меня уже поздно, и ужинать пришлось в одиночестве. Мама, уставшая от разбора бесконечных коробок, отглаживала рубашку на работу, а отец лег спать. Поездная история не произвела на родителей особого впечатления, показалось даже, что они пропустили ее мимо ушей. Все старания, направленные на то, чтобы не упустить ни одной детали, родители не оценили – сказала усталость, на новой работе отцу приходилось встраиваться в коллективу по возвращении домой обустраивать быт. Прибивать полки, вешать гардины и собирать побитую дорогой мебель, которую еще месяц назад он с таким усердием разбирал.

– И какой адекватный проводник ребенка выпустит на улицу одного? Этой тетке мать еще и денег дала. За что? А случись чего? Одного тебя больше не отпустим. – Отец прошел из коридора в комнату, на ходу прилаживая сверло к ручной дрели.

– Да ведь и случилось вот, – я развел руками.

Но он только хмыкнул и принялся сверлить. Я и не настаивал.

Лампа без плафона над кухонным столом слегка раскачивалась, а суп начал остывать. Скрипнула гладильная доска – она точно так же скрипела в зале у нас дома, когда бабушка через мокрую марлю отпаривала мне стрелки на брюках.

И ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ПОСТОЯННО КУДА-ТО ЕДУТ, ДУМАЛ Я. НЕЛЬЗЯ РАЗВЕ РАБОТУ НАХОДИТЬ ТАМ, ГДЕ ЖИВЕШЬ?

В нашей квартире, там, далеко, сейчас свет не горел; в моей комнате, совершенно пустой, без мебели, такой, какой ее оставили, на стене дрожали отсветы фонарей и тени веток. Страшно было бы оказаться там в одиночестве – и грустно знать, что мы теперь всей семьей там не окажемся. Сколько раз мама укладывала меня в тех стенах спать и будила утром в школу? Тут в борьбе с ангиной температурил в кровати, тут читал «Мартина Воителя», тут мне не давались контурные карты, и сохли шерстяные носки на батарее под подоконником.

К подбородку, по щеке, съехала слеза и булькнула в тарелку. Я зачерпнул ложку и отправил ее в рот.

* * *

Жизнь потекла по-новому. День с наступлением поздней осени уменьшается в разы быстрее, и оттого создается ощущение, что и время летит быстрее. В школе меня приняли хорошо, оказалось, что одна из тех самых «бесполезных» девчонок, Лилька, – моя одноклассница. Выше меня на полголовы и с красивыми татарскими скулами, она занималась волейболом. Это как футбол, только руками. И без ворот. И мяч другой. В общем, не как футбол. Лупила она по мячу со всей силы и прыгала с места выше, чем я прыгал с разбегу.

Осень тут тоже была другая. Желтые и красные листья покрывали школьный двор в два-три слоя, так что можно было пинать их и сгребать ногами в пышные кучи. Первоклашки собирали листья в огромные букеты и забывали их на лавках и школьном крыльце. Ненавистный, неудобный зонтик, избавиться от которого было моей заветной мечтой, лежал в коридоре сморщенный, перетянутый липучкой, без дела. С момента нашего приезда не случилось ни одного серьезного дождя, а те, что шли, едва ли в состоянии были застать хоть кого-то врасплох.

За школой, отсеченный от улицы забором с сеткой-рабицей с одной стороны и небрежно стриженным кустарником с другой, находился стадион. Это большой стадион, с асфальтом на дорожках и яркой разметкой.

В четверг первым уроком физрук выгнал нас на мокрый прохладный асфальт и построил по росту.

– Сегодня бегаем длинную дистанцию, – он накрутил шнурок свистка на палец, – разминка как следует, тяните косточки, чтобы без травм!

Проклятый бег мне давался хуже всего. Во время бега нужно «активно дышать и делать это на шаг» – физрук рявкал, объясняя это классу, а сам раздувал ноздри и поднимал брови, оттого становясь похожим на таксу, взявшую след. Вроде ничего сложного, но на втором круге мое дыхание сбилось, рот пересох, в боку закололо. Естественно, я оторвался от класса. Лилька бежала легкой трусцой чуть впереди.

– Не вставай, не вставай! Мелко ногами беги. – Лилька сбавила ход и замахала розовой ладонью. – Шаг покороче делай и не вставай! – Она засеменила на месте.

– Пыт... пытаюсь! – Набрать бы воздуха, чтобы ответить, но даже на это нет сил. – Ну чё ты смотришь? Отдохну и нагоню вас!

И что она ко мне пристала, думал я, бежала бы свои пять кругов спокойно, а я уж добреду как-нибудь.

– Беги, я помедленнее!

Лилька немного помялась, отвернулась и стала догонять класс. Черный восточный хвост до пояса, перетянутый тугой резинкой, бил в такт по пестрому пузырю олимпийки Adidas. Она еще раз обернулась и некоторое время бежала спиной вперед, глядя на меня. Сделалось стыдно, и, наклонившись к земле, я упер руки в колени, чтобы не смотреть.

Утреннее солнце поднималось над стадионом, и асфальт начал отдавать пар, а дыхание мое в лучах стало заметным. Физрук дунул в свисток и встал буквой «Ф»; его фигура на горизонте сделалась еще более неотвратимой. Надо идти. Физкультуру ставят первым уроком, наверное, для того, чтобы на математике или географии не возникало даже мысли покинуть кабинет и оказаться вне стен школы.

Я побрел в сторону финиша, собираясь с мыслями и прикидывая, смогу ли скрыть трояк в дневнике. Четверг – значит, пару дней перетерпеть и можно будет сменить страничный разворот, трояк уйдет под обложку, в прошлое, и вряд ли отец полезет листать.

Шнурок на правой ноге выбился и стал шмякать о дорожку. Справа, вдоль бровки⁷, наполовину вкопанные в землю, перекошенные, вразнобой намазюканные масляной краской явно не в этом году, стояли покрышки. На языке физрука – «искусственное препятствие». Здесь и завяжу шнурок, решил я, заодно отдышусь под благовидным предлогом, и поставил ногу на ближайшую покрышку. Окоченевшие пальцы плохо слушались, петля в бант никак не хотела получаться.

– Э, мальчик, помочь?

Я вздрогнул – на последней в ряду покрышке сидел человек. Он курил. Кто вообще станет курить на стадионе? Чем он мне помочь собрался? Шнурки станет завязывать?

– Здравствуйте. Что помочь? Шнурок? Да сам завяжу.

Я выпрямился и стал разглядывать мужчину. Явно больше тридцати лет, одет в коричневый шерстяной пиджак поверх футболки, в спортивных трико. Безэмоцио-нальный взгляд, как у покойника, лицо того же воскового цвета, худой, с горбинкой нос и глубокая складка между бровями. Он выпускал дым деловито, надменно и не торопясь.

– Ты сразу потуже затягивай, а лучше на два узла, чтобы не пришлось снова останавливаться. – Он повел плечами назад, как бы разминаясь. – Дела, неважно, большие или не очень, лучше сразу хорошо делать. Оно ж не знаешь, как повернется. И шнурок может набедокурить в ненужный момент. Золотое правило, пацан. – Незнакомец поднялся с покрышки, затянулся в последний раз и щелчком отбросил окурочок в сторону школьного забора.

– Ясно, вам хорошего дня. – Тревога внутри меня нарастала, захотелось поскорее расстаться с этим странным типом. – За совет этот спасибо большое! – По спине пробежал холодок.

– Да погодь ты, чё торопишься, давай-ка побазлаем малясь.

Незнакомец сделал шаг в мою сторону не отводя глаз. Лицо его не выдавало никаких эмоций, и от этого стало еще страшнее. Я попытался, шнурок завязать так и не удалось. «Беги, беги, твою м. ь!» – пронеслось в голове, но страх породил неуверенность, и я замер.

– Не нервничай ты, пацан, у меня один вопрос, и пойдешь себе дальше круги нарезать. – Тип приближался; говорил он тихо и тянул слова. – Новенький в школе, получается? Никто новеньких в школе не обижает?

– Колька, ты чё там? Побежали, мне сейчас из-за тебя тоже влепят, – за спиной раздался звонкий голос Лили.

– Уж... Уже бегу к... конечно! – сориентировался я, сделал шаг в сторону, и мы дали деру.

Руки мои теперь тряслись не от холода. Я оглянулся – тип снова присел на покрышку и смотрел нам в след.

– Это еще кто? И что ему надо от тебя? – Лилька бежала рядом.

⁷ Бровка – линия, по которой проходит край обочины, кювета на дорогах, выступающий край на месте перегиба склона.

– Откуда мне знать, чё за чел, впервые вижу этого мужика, это может, ну, дворник?

– Нет, у нас старый дворник. И не курит.

Пробежав полкруга, я снова посмотрел на колеса. Возле покрышек никого не было.

– Может, родителям расскажешь? Станный тип, вдруг вернется! Он вообще на рэкетира похож, еще нос сломанный вроде.

– И что я расскажу? Ну подошел подозрительный человек, мама и так на нервах вся, он же не угрожал, просто пьяный, ну или... не знаю.

– А ты видел пьяных-то? – Лиля не унималась. – Пьяные они шатаются и говорят еле-еле, а этот точно не пьяный был.

Она стала задыхаться, и мы сбавили темп.

– Ну вот если еще раз встретится, тогда расскажу, наверное. Домой давай, может, вместе пойдём? Дождусь тебя после волейбола?

– Только в библиотеке посиди, на тренировку тебя не пустят.

На тренировку меня, конечно, пустили бы, но Лилька не очень хотела, чтобы одноклассники начали болтать.

На том и порешили, и после уроков я пошел в библиотеку. В читальном зале было пусто, два старшеклассника листали подшивку журнала, а мне дали книгу о динозаврах. Я глядел на диплодока и думал о том, что этот незнакомец – конечно, маловероятно, но вдруг – появился неслучайно. Но что надо какому-то типу от школьника, да еще и во время урока? Может, это маньяк? По телику показывали, что серийные убийцы часто выслеживают жертв, даже детей, и ищут момент, чтобы прикончить их. Это обычно в безлюдном месте происходит, маньяки все очень изобретательные. Нет, этот тип однозначно не маньяк.

А если правда пьяница? Да нет, ведь явно не пьян был, пьянице через школьный забор перескочить вряд ли удастся, пьяницы в нашем сквере едва на ногах держатся. Точно не пьяница.

Еще пару дней ничего не происходило. Дома мы убрали велосипед на балкон, а стеклянные банки с солеными огурцами и помидорами, плотно обернутые газетой, расставили вдоль стены. Мама, проходя по коридору, не переставала удивляться тому, как удалось их все довести в целости.

– Ну вот, с голоду точно не умрем, – смеялась она.

Я СНАЧАЛА НА ПОЛНОМ СЕРЬЕЗЕ ДУМАЛ, ЧТО ВЕРОЯТНОСТЬ УМЕРЕТЬ С ГОЛОДУ У НАС ВСЕ-ТАКИ БЫЛА. НЕ ОСОБО ВНИКАЯ В ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВОКРУГ, Я ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПРЕКРАСНО ПОНИМАЛ. ЧТО ВСЕ СТОИТ ДЕНЕГ И ЧТО ОНИ ДОСТАЮТСЯ ГИГАНТСКИМ ТРУДОМ.

Ребята в школе на большой перемене гурьбой бежали в столовую, где набирали булки, пирожки и чай, который толстая повариха огромным половником разливала по стаканам. Я не бежал. Еще после первого дня в школе мама спросила, сколько нужно денег на обед. А сколько нужно денег на обед? Случались дни, когда мы питались исключительно макаронами и зеленым горошком, на «гурманский манер», как говорил отец, посыпая горошек вокруг слипшихся макаронин.

КОГДА ОТЕЦ ПРИТАЩИЛ ПОЛУТОРАЛИТРОВУЮ БУТЫЛКУ СОЕВОГО СОУСА, ЖИЗНЬ ЗАИГРАЛА НОВЫМИ КРАСКАМИ. ДАЖЕ ПОДУМАЛОСЬ, ЧТО ТЕПЕРЬ МЫ ШАГНУЛИ НА СТУПЕНЬ ВЫШЕ В ПИРАМИДЕ ВСЕЛЕНСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ.

– Ну так сколько стоит обед в твоей новой школе, Коль? – Мать достала свой худющий кошелек из красного коззама, он стоил явно дороже содержимого.

– Да недорого, мам, давай один рубль, пока не знаю, там видно будет.

Мама выкладывала на полку под телефон каждое утро рубль пятьдесят, а я их часто «забывал».

– Ты что, сегодня опять голодный проходил весь день? – восклицала она, накладывая мне ужин. – Желудок испортишь!

* * *

Один рубль был эквивалентен стоимости булки под названием «язычок» – плоского куска дрожжевого теста, посыпанного сахаром. Вряд ли им можно было наестся, но десятком-другим сэкономленных рублей вполне можно было оплатить электроэнергию или отцовский автобус на работу.

Отец появлялся дома глубоким вечером, наскоро умывался и падал в кровать. Его приходы были настолько скоротечны, что о побывке я догадывался только по грязной литровой банке от вчерашнего супа, замену которой мама заблаговременно готовила уже с вечера. В субботу он вставал с постели к обеду, потягивался, громко хлопал в ладоши и потирал их.

– Ну что там в «Утренней звезде»? Присмотрел нормальную мадам себе?

– Да не, пап, я не смотрел.

– А твоя мама знаешь как поет? Я ее только за голос и полюбил.

И дальше он пятнадцать минут рассказывал историю знакомства с мамой, а мама, почти наверняка с улыбкой на лице, уже гремела чайником об плиту с кухни. Суббота была моим любимым днем недели.

Через месяц после моего приезда, в слякоть и первые холода, наконец приехала бабушка. Первым делом мы стали заклеивать окна. Откуда-то взялся алюминиевый таз, она настругала туда хозяйственного мыла и принялась затыкать ватой щели в рамах. Та уверенность, с которой бабушка орудовала кухонным ножом, не оставляла сомнений – мороз не пройдет. Моей же задачей стали узкие бумажные полоски. Мы щедро вымачивали их в мыльной воде и прикладывали к створкам, отворачивая защелки шпингалетов в сторону. Большой сноровки здесь не требовалось, но размякшая бумага не позволяла зевать.

Бабушка сняла все шторы и отправила их в стиральную машину, маленькую, квадратную, с дурацким названием не то «Малышка», не то «Малютка».

СОВЕТСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАПЛОДИЛА МАССУ БЫТОВЫХ УРОДЦЕВ, ДЕЛАЛИ ИХ НА ДОЛГИЕ ВРЕМЕНА, И УСТРОЙСТВА ЭТИ, УВЕРЕН, ПЕРЕЖИВУТ И МЕНЯ С ВАМИ.

К слову, кубообразная, повидавшая все перестроечное тряпье «стиралка», пожелтевшая, но по-прежнему рабочая, лежит на одном из чердаков у моих родителей. А родители, вспоминая ее в застольных разговорах и между делом, радуются, что те времена прошли.

– Надеюсь, не пригодится, – говорит мама, но выкидывать упорно отказывается.

Парадокс.

Послевкусие от скорого переезда и болезненное желание поскорее прижиться на новом месте сменились ощущением того, что это неизбежно, и курс на победу был взят. Почувствовал я это только с приездом бабушки. Столько лет прошло с той осени, а мне до сих пор кажется волшебством та сила и житейская мудрость, которую поколение бабушек и дедушек бережно хранило и «подтягивало» в нужные моменты наших будней.

Как много было тех дней, когда я готов был отдать все, лишь бы услышать совет от бабушки, наполниться непоколебимой верой в положительный исход.

– Сашка Проснев тебе привет передал. Бегают как угорелые, все спрашивали, как дела и как в новой школе тебе учится. Ну я и говорю, – бабушка постучала пальцем по виску, –

мозги-то у нашего Кольки есть, ему всего хватает, а про школу и сама не знаю. Ну вы, мол, скажите ему, что пусть приезжает. Говорит, можешь у него пожить, если приедешь, они брата на диван переложат. – Бабушка засмеялась. – Скучаешь?

– Ну, скучаю, несильно. Но скучаю. – Я старался отвести глаза.

– А ты не скучай, когда работа есть, скучать некогда, Коленька.

И мы опять принимались за работу. Разбирали коробки, пылесосили паутину, ехали на рынок торговаться за каждую помидорину, натягивали бельевые веревки, перебирали книжные полки и влажной тряпкой оттирали верхушки шкафов. Предметы выстраивались на полках в том порядке, который был понятен только бабушке. И нельзя было его менять годами. Протирая пыль через неделю и через месяц, я обязан был воткнуть книги по размеру. Читали их кто-то?

Конечно, нет! Хрустальный рог за салатницу, а фото Есенина опереть на фарфоровую узбечку с пиалой в руке и закрыть дверцу так, чтобы Сергей Александрович не шлепнулся между рюмок-рыбок от потока воздуха.

Невероятно раздражающее действие, в котором юношеские годы подозревали советский снобизм и узость старческого кругозора, заставили возненавидеть все это и одним пыльным мешком выбросить весь хлам с полок, как только бабушки не стало, вынести и со злостью шмякнуть о мусорный бак, как труху. И над этим чахло поколение!

И невероятно успокаивающее действие, в котором зрелые годы узнали счастье порядка, стабильности, опознали сад камней, человека, прошагавшего непростую жизнь с потрясениями, обретенным, потерянным и вновь обретенным счастьем и нашедшего уединение в бытовой материи. Лубочный, крохотный мир смотрел на тебя, когда все были живы, мир, который остался с тобой в день, когда и ты остался один. Осязаемый, материальный, стабильный.

В Саллоу пахнет солью, а чугунный якорь стоит на причале двести лет, бронза хвоста светится от тысяч рук, загадавших желание.

Старик в пиджаке с прошитыми заплатой локтями идет возле Эмпайр и считает кирпичи поребрика водосточной канавы, последний надломлен. Всегда был надломлен.

В серванте, на венгерской полке стоит пепельница-спутник.

И так будет всегда. Каждому свой City of Stars⁸. Это был наш. Мой.

⁸ City of Stars (англ. «город звезд») – песня из фильма «Ла-Ла Ленд», в которой поется о городе, где сбываются мечты.

Тряха

К новой школе я привык очень быстро. К постоянной круговерти и налипающим с невероятной скоростью друг на друга событиям начал относиться как к должному. Странное дело – носишься целыми днями, в жизнь входят новые люди разных возрастов, высокие и низкие, молодые и старые, картавые и с чувственными глазами.

КТО-ТО ПИНАЕТ МЯЧ, А КТО-ТО МОЕТ ПОЛ В СТОЛОВОЙ, И ЭТИ НОВЫЕ, ЯРКИЕ, НЕЗНАКОМЫЕ ВДРУГ НАЧИНАЮТ ВЫТЕСНЯТЬ ТЕХ, С КОТОРЫМИ ТЫ ПРОВОДИЛ ЦЕЛЫЕ ГОДЫ И ДЕЛИЛСЯ САМЫМ СОКРОВЕННЫМ.

В кино часто говорят, что время лечит, но мне, совсем юному, стало казаться, что время не доктор, время – библиотекарь. Оно расставляет книги по стеллажам, на свое усмотрение выбирает либо самый далекий, либо тот, что у входа. Открывает перед тобой новую книгу-событие и, не поднимая глаз, спрашивает, уверен ли ты, что хочешь вернуться в уже прочитанную историю, ведь есть книги еще не открытые, с хрустящим переплетом.

И Саня Проснев, и рыбалка на Косье, и далекий дом потихоньку тускнели, я не писал ему писем, поскольку знал, что он не ответит. «Что это за девчачьи переписки?» Да и сумеет ли он написать без ошибок? А если не сумеет и вдруг до га дается, что пишет безграмотно, вряд ли переборет стеснение и окончит послание.

Отец рассказывал, что они раньше выбирали друзей по переписке из союзных республик и долгие годы описывали свой школьный быт и погоду за окном, слюнявили марки и конверты. Мне это все уже тогда казалось «бабкиными сказками», вещь сродни голубиной почте, ненужной и имеющей мало общего с реальной жизнью. Какие на фиг письма, когда люди играют в Super Mario.

* * *

Мы часто засиживались у Лильки после уроков. Я помогал ей с сочинениями, мать же ее – нам с математикой. Кто-то придумал, что в новом, пятом, классе математика стала делиться на алгебру и геометрию. И если со второй проблем особо не возникало, то алгебра до конца школы стала для меня неприступной крепостью. А Лилькина мама делала замечательные чебуреки, отсюда у меня на всю оставшуюся жизнь появилась сильная, искренняя и верная любовь к татарской кухне.

Мы усаживались за стол, покрытый клетчатой клеенкой, друг напротив друга. Лилька ела скромно, откусывая небольшими кусочками, и все больше смотрела на меня, а я вгрызался в чебурек и с шумом втягивал сок.

Я ЕЙ НРАВИЛСЯ И ЗНАЛ ОБ ЭТОМ, НО КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА ЕЕ ГЛАЗА ЗАДЕРЖИВАЛИСЬ НА МНЕ ДОЛЬШЕ ОБЫЧНОГО, КОНФУЗИЛСЯ.

А потом мы садились за «домашку». Папа Лильки неплохо зарабатывал, и у нее был большой голубой глобус, я раскручивал его и останавливал в случайной точке.

– Вот Лиссабон. Там, наверное, сейчас нет снега, туда бы поехать.

– Дался тебе этот Лиссабон, там небось все на английском говорят, ты даже поесть купить не сможешь. – Она вытянула фотографию из-под настольного стекла. – Вот, Карелия, Петрозаводск, смотри, какие реки и леса. Как в волшебной стране.

– Вот уж лес мне точно ни к чему, посмотрелся на леса сполна. У нас каждый год кто-то в лесу терялся и пропадал. Одного пацана рысь загрызла, нашли только через месяц.

Лилька выпучила на меня глаза.

– Да-да, рыси умеют подкрадываться, они размером с откормленного кошака, а клыки как иглы. Короче, Лиссабон – мой выбор!

Лилька бросила карточку и плюхнулась в кресло.

– А в тебя Ленка влюбилась, ты знал?

Я, конечно же, ничего не знал.

– Тряха, что ли? Нет, не знал. – Пришлось отвернуться: я понимал, что больше всего ей сейчас интересна моя реакция. – Чего это она? После того случая идиотского?

Лилька достала учебник и пересела за стол.

– Не знаю, может, после того, а может, и нет.

«Тот случай» произошел примерно за три недели до этого. Собственно, он и объяснял, почему Ленку стали называть Тряхой.

Татьяна Валерьевна, наша учительница по русскому и литературе, дала задание писать сочинение по любимому прочитанному произведению. Ленка, крупная, полная девочка в толстых очках и с волосами, собранными в пучок на затылке, очень старательно выводила буквы в тетради оба урока.

**ЛИТЕРАТУРА – ЕДИНСТВЕННЫЙ УРОК, ГДЕ
УЧИТЕЛЬНИЦА РАЗРЕШАЛА ПРИМЕНЯТЬ ЦВЕТНЫЕ ГЕЛЕВЫЕ
РУЧКИ, И ВСЕ ДЕВОЧКИ КЛАССА ЭТИМ АКТИВНО
ПОЛЬЗОВАЛИСЬ, ВЫДЕЛЯЯ, ДОРИСОВЫВАЯ УЗОРЫ НА
ПОЛЯХ, ПОДЧЕРКИВАЯ.**

– Ты и ошибки за меня выделять станешь? – журила ее Татьяна Валерьевна, но Ленка крикала, улыбалась и дальше выплетала косы на полях.

Понятное дело, Ленка не была девчонкой, о которой мечтали парни в нашем классе. Толстух никто не любит. Но я знал, что она добрая и старательная. Пока она писала сочинение, над ее верхней губой выступил пот. Ленка очень старалась. Всем давно известно, что очкастые толстухи любят читать, им только дай повод об этом заговорить. А тут – на, пиши, выделяй цветом. Иногда Ленка слизывала пот на верхней губе, чтобы не терять драгоценное время, и продолжала излагать.

Ее произведение было не то о пряхе, не то о принце, но буква «П», написанная пухлой рукой и выделенная желтой пастой, очень уж напоминала «Т». И пряха в тексте очень легко стала «тряхой». Когда Ленка дописывала, одноклассники сдавали работы, за стеной звенел звонок, а учительница вышла – Дубосельцев, парень с узким лбом и широкими надбровными дугами, напоминавший гориллу, выхватил Ленкину тетрадь и с обезьяньей же прытью вска-

рабкался на ее парту. Несмотря на то, что читал с паузами, да и в целом плохо, он стал зачитывать написанное Ленкой сочинение.

О том, что очкастых толстух лучше не злить, я знал примерно с детского сада. Их ярость, бычья, неукротимая, часто несоразмерна причине, ее вызвавшей. Знал об этом и Дубосельцев, но импровизированная коррида – лучшая забава на большой перемене, а оттого он не просто читал с выражением, издевательским тоном, но и выделял слово «тряха», гнусава, как монах.

– Тря-я-яха-а вскинула торбу... Чё еще за Тряха у тебя вечная, ты что там читала? Это про жирух деревенских история, получается? – Дубосельцев спрыгнул со стола и стал пятиться между рядами, пока Ленка решалась на бросок. – Это, получается, жируньку Тряха звали?

Класс уже всю гоготал.

Дальше Ленка не выдержала, бросилась к обидчику через два стула, но не рассчитала и рухнула вместе с партией на пол, очки отскочили под стул, и одна из линз со звоном разбилась. В классе стало тихо; даже те, кто ржал громче остальных, слегка отступили назад, кто-то вошел с перемены, слышно было только треск лампы над доской. Ленка завывала. Взмыленная, раскрасневшаяся, она покрылась испариной. Класс замер. Дубосельцев разбежался и пнул остатки оправы в угол под раковину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.